

Матьяна
Веденская

ИЗМЕНА
В РАМКАХ
ПРИЛИЧИЙ

Татьяна Веденская

Измена в рамках приличий

«Автор»

2006

Веденская Т.

Измена в рамках приличий / Т. Веденская — «Автор», 2006

Как реанимировать чувства, которые умерли? Как вернуть к себе интерес любимого супруга? Сменить прическу, обновить гардероб? Поработать над своим имиджем? Некоторые выбирают средство более радикальное – изменить мужу. Если отношения в семье построены на глубокой привязанности и любви, – роман на стороне только укрепит семью. Если же брак формальный – что ж, пусть разваливается, туда ему и дорога. Скажете, зачем же так рисковать, ведь измену близкого человека не каждый готов простить. У героев нового романа Татьяны Веденской на этот счет есть свое мнение и свой верный способ достичь счастья. Вам стоит о них узнать... Книга также издавалась под названием «Утро после „Happy End“».

© Веденская Т., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Веденская

Измена в рамках приличий

Часть первая

Лекарство от скуки

Глава 1

О моих мечтах

Все люди живут ради каких-нибудь целей. Мало найдется на свете тех, кто живет просто так, не думая о том, чего он хочет достичь. Может, какие-нибудь святые или бездомные бродяги, греющиеся на вокзалах. Кстати, очень может быть, что те и эти – близкие родственники. И те и эти следуют своему пути. Мужчины, заткните уши. Насколько я знаю, у вас сводит от скуки лицо, стоит вам только услышать слова «карма», «внутреннее «я» или «путь к себе». А зря. Последнее, кстати, – очень неплохой магазинчик, в котором можно найти сувениры на все случаи жизни. Но возвращаюсь к целям. Нельзя же считать, что святые живут бесцельно. Просто их цель лежит за гранью нашего грешного понимания, вот и все. Мы же живем гораздо более приземленно и мечтаем: а) накопить на машину, б) прогулять работу (чтобы ничего за это не было) или с) как-то умудриться купить себе ботинки в «Саламандре», чтобы муж об этом ничего не узнал. В принципе даже сообразить на троих, тоже своего рода цель, не правда ли? У меня в жизни есть несколько глобальных целей и много-много второстепенных. Главной целью для меня, как для любой умной, современной и политически грамотной женщины, является познание себя и мира. Но эта глобальная цель пока что исполняется только путем аналитических выпивов с подругами и прохождения всяких психологических тестов из умных журналов и сайтов Интернета. Так что можно сказать, что на пути познания себя и мира я пока продвинулась не очень. Второй глобальной целью для меня было обретение счастья в любви, что естественно, как мне кажется, для любой женщины. С этой целью у меня был полный порядок, так как я была замужем вот уже четыре года. И все четыре – успешно и счастливо. До такой степени счастливо и успешно, что местами мне становилось даже немного скучно.

– Дура ты, Полинка. Счастья своего не понимаешь, – говорила мне моя самая близкая подруга Динка, у которой тоже имелись сходные с моими глобальные и не глобальные цели. Именно у нее дома в основном я познавала себя и мир.

– Все я понимаю, – отмахивалась я.

Я и правда все понимала. Но, как собака, не могла выразить словами, до какой степени мужчины в целом и мой конкретный определенный муж, в частности, не отвечают всей глубине моих духовных потребностей. Правда, четыре года назад Костя (это мой муж) показался мне ответом на все мои молитвы сразу и на каждую в отдельности. Серьезный, немногословный, ответственный, с хорошей работой и с красивыми тонкими чертами умного лица. Он обстоятельно ухаживал за мной, одаривая соответствующим количеством цветов и билетов в театр, и вовремя произносил нужные слова типа «а не пожениться ли нам, дорогая». Остальное я благополучно придумала сама. Я смогла вообразить, что у нас с Костей невероятно близкие и душевные отношения. Ну как же, ведь мы с ним как-то раз обсуждали морфологию и фонетику русской матерной речи! Почти целую ночь, между прочим.

– Этого мало, – предупреждала меня Динка Дудикова, страшная пессимистка во всем, что не касается лично ее.

– Нет, он чуткий! Внимательный! Щедрый! – убеждала я подругу (а заодно и себя).

Мне это удалось, однако жизнь все расставила по своим местам. Оказалось, что букеты, конфеты и билеты в театр Костя держал только в качестве арсенала для завоевания женщины его мечты (меня).

– Дорогая, зачем идти в театр? Сегодня по Первому каналу Познер! – огорошил он меня практически сразу после прекрасного медового месяца на берегу Красного моря. Это путешествие, если можно так выразиться, триумфально завершило все то прекрасное, что было в наших отношениях. Дальше начались суровые будни. Оказалось, что премьера в «Современнике» интересует моего мужа куда меньше, чем Кубок кубков, и что Константин Яковлевич достаточно замкнут и не склонен к долгим душевным разговорам по ночам. Более того, он даже плохо переносит долгие разговоры по ночам не с ним. Телефонные разговоры его бесили не меньше.

– Дорогая, мне рано вставать. Не могла бы ты завтра обсудить с Диной этого мерзавца – ее начальника.

– Ты не понимаешь! – возмущалась я. – Динкин начальник просто негодяй.

– Ага. Это же так подло хотеть, чтобы твои сотрудники работали, – смеялся муж.

В такие моменты я понимала, почему многие мои замужние подруги в день свадьбы смотрели на меня одновременно с сочувствием и злорадством.

– Если бы у тебя был ПМС, ты бы так не говорил, – использовала я последний аргумент.

Но мой муж не считал женские проблемы заслуживающими внимания. И прошло довольно много времени, прежде чем я это поняла. И приняла.

– Ты – шовинист! – кричала я, горя желанием грохнуть об пол тарелку.

– Может, дать тебе пластиковых? – спокойно интересовался он. – А то потом сама плакать будешь.

– Ну и пусть, – обиженно отвечала я.

– Вот в этом ты вся. Сначала наворишь дел, не думая о последствиях, а потом рыдаешь, перебирая осколки! – довольно восклицал Костя и отбывал к телевизору смотреть свои бесконечные новости. Тут уже я принималась зевать и тихонько отползать с трубкой радиотелефона в туалет.

Кесарю – кесарево, а мне – мое. Динка меня поддерживала как могла. Она говорила, что семейное счастье крепнет с годами. Что надо принимать человека таким, какой он есть, и что это вовсе не преступление – не делиться с женой самым сокровенным, даже если она (жена) готова выслушивать его хоть каждый день.

– Ну необщительный он у тебя, ну и что?

– Ладно, – кивала я.

В конце концов, раз ночью я испытываю странный необъяснимый трепет, когда смотрю на спящего Костю, значит, во всем этом есть какой-то смысл. И, кроме того, он умный, надежный, неплохо зарабатывает и по большому счету хочет того же, о чем мечтаю я. А мечта моя носила совершенно определенный характер. Я мечтала о квартире в Москве! Цель понятная для всех, кто приехал в свое время покорять столицу в поисках лучшей жизни. Со мной это случилось десять лет назад. Я покинула родную квартирку в легендарном городке Петушки, что во Владимирской области, и прибыла на Курский вокзал.

– И что, получилась у тебя твоя лучшая жизнь? – интересовалась мама в короткие визиты нашего семейства на мою историческую родину. До нашей свадьбы с Костей я бывала дома чаще, но мой супруг, будучи эстетом, циником и пессимистом в одном флаконе, еще в электричке делал такое лицо, что выдержать родной колорит в его присутствии дольше двух дней у меня ни разу не хватало сил.

– Ну, конечно, мам. Я очень счастлива. Нам бы вот только квартирку, – вздыхала я.

Между прочим, я не кривила душой. И всякий, кто пытался укрепиться в Москве, в чуждом состраданиям городе, поймет, о чем я говорю. Квартира – это стабильность, надежность, уверенность в завтрашнем дне. А у меня внутри в качестве балласта жили воспоминания о десятке переездов, каждый из которых давался мне все тяжелее и тяжелее, о безликих некрасивых квартирах под найм, которые видели столько всего, что хранили отпечатки каждого, кто переступал их порог. Итак, моей главной и самой сложной целью (я уверена, что это даже сложнее, чем познать себя) была покупка квартиры. Однако у мамы на этот счет имелось иное мнение.

– Вам бы деток. Сыночка, – мечтала она. – А остальное приложится.

– Что ты! Куда нам сейчас, – пугалась я.

Мне хоть и должно было стукнуть в этом году тридцать лет, но биологические часы легко умолкали под грузом всех трудовых, переездных и личностных проблем.

– Ну, как знаешь, – вздыхала мама.

После этого мы традиционно шли всей толпой на кладбище почтить память покойной прабабушки, которая всю жизнь прожила неподалеку от мамы в деревне Леоново. Бабушка хоть и любила жаловаться на здоровье, дожила до девяноста трех лет и скончалась от угара. Забыла по старости и склерозу открыть заслонку, да и уснула навсегда.

– Покойся с миром, – пускала слезу мама.

У меня с Леоновом были связаны самые противоречивые воспоминания. Бабуля в интересах моего блага нещадно стегала меня прутьями и заставляла полоть огород. До сих пор меня воротит от одного вида перепаханной земли. Однако она же читала мне на ночь самые невероятные, самые сказочные сказки и поила самым вкусным молоком «с-под коровки». Была в этом своя, незабываемая прелесть. А вот Косте наша ностальгия была глубоко чужда. Из чистого воспитания он с лицом мученика сопровождал нас, но в каждом его взгляде читалось, что я потом, дома, отвечу за все его страдания.

– Там пахнет навозом!

– Ну и что?!

– Там грязь! Я заляпал свой костюм!

– Надо было быть осторожнее!

– Я предельно осторожен. Да на стройке чище, чем в твоих Петушках, – стонал Константин, спеша донести драгоценный костюм до химчистки.

Забыла, я говорила, что он брюзга? Нет? Так вот, ко всему прочему мой муж оказался еще и брюзгой. Вот так-то. Семейная жизнь улыбалась мне во всю ширь белозубой улыбки. Но поскольку супруг не пил (в отличие от меня, кстати), не курил, был аккуратен до педантичности (что было бы просто ужасно, не будь я сама повернутой на всю голову чистюлей) и тратил на семью достаточно своих мужских денег, мой брак мог считаться и считался всеми окружающими весьма и весьма удачным. Потрясающе! Мы с мужем могли провести дома весь вечер, не перебросившись ни единым словом («передай мне солонку» не считается), но у нас был удачный брак!

– Чего ты хочешь?! – устало спрашивала Дудикова, с которой, если можно так выразиться, я жила настоящей духовной жизнью. – Налить?

– Налить, – согласилась я. – Много ли я хочу? Просто мне не хватает его внимания. Мы с ним как чужие люди.

– Невозможно прожить вместе четыре года и остаться чужими людьми. Ты сама-то прикинь, – призывала меня к порядку подруга.

– Я и прикидываю, – кивнула я. – Это означает, что мой муж – уникальный тип. Мы с ним просто неизлечимо отдалены друг от друга. Смертельно!

– Разведись! – осторожно предложила Динка.

– Что?! Я же не сумасшедшая, – испугалась я. – И потом, когда-то мы искренне любили друг друга.

– Н-да? И куда же все делось? – резонно удивилась Динка.

Это, кстати, был хороший вопрос. Когда-то, еще в детстве, я пообещала, что буду честной хотя бы по отношению к самой себе. Обещание это неоднократно приносило мне проблемы, потому что я отнюдь не всегда вела себя, что называется, как подобает. Много раз мне приходилось честно признаваться, что вот тут-то я вела себя как стерва, а вот тот-то совершенно ко мне равнодушен, а я сама себе все просто напридумывала. Однажды мне даже пришлось признаться самой себе, что я таки действительно не заслуживаю того повышения зарплаты, которого прошу и даже требую, но в котором мне категорически отказывают. Так что теперь мне пришлось честно признать, что я так и не поняла до конца тех аргументов, исходя из которых мой Костя вдруг снизошел до моей, в общем-то, скромной персоны и женился. До этого он много лет был разборчивым до неприличия и даже целовался со своими бывшими через презерватив. Сначала я думала, что этому причиной была неземная любовь, но вскоре засомневалась. Почему тогда Костя по вечерам на меня даже не смотрит? Зато живо интересуется тем, что я приготовила на ужин. И почему его не так уж сильно волнует, о чем я думаю и чем живу, но волнует, убралась ли я в квартире, выгуляла ли нашу с ним собаку и не поздно ли пришла домой.

– Приличия! Он хочет, чтобы я соблюдала приличия! Его устраивает, что я аккуратна, исполнительна, хорошо готовлю и гуляю с собакой. Которую, между прочем, завел он!

– И что? Что в этом плохого? – удивлялся Костя, когда мне все-таки удавалось вызвать его на некое подобие откровенного разговора. – Ты, что же, предпочитаешь жить скандально?

– Ты меня не понимаешь! – сокрушалась я.

– Да что там понимать, – удивлялся он.

Вот так мы и жили. Только не надо думать, что наш «успешный» брак складывался из череды скандалов. На самом деле они были крайне редки. В остальное время мы жили душа в душу. Костя – на работе, я у Динки дома по пятницам и в любое другое время, когда мне удавалось изобрести повод, чтобы поехать к ней через весь город. Когда-то я просила Костю снять квартиру поближе к Динкиному Марьино, но Костя (видимо, специально, чтобы поиздеваться) заявил, что Марьино – это жутко плохой с экологической точки зрения район, и снял квартиру на Молодежной. Я рвала и метала, но это никому не было интересно, так что теперь, чтобы повидать Динку дома, мне приходилось преодолевать всю протяженность подземного города машин (прямо как в «Матрице») или искать компромисс.

– В Кофе-Хауз?

– Ага, – кивала я, потому что это и был наш тайный компромисс, о котором Костя даже не подозревал.

Уж что-что, а наши совместные с Динкой обеды я ему не отдам. Знаю я его. Как только он пронюхает, что мы по целому часу в день проводим вместе, да еще прямо посреди рабочих будней, тут же примется обедать со мной. А я предпочитала болтливые обеды с Диной. Надо же было с кем-то обсуждать текущие проблемы. Сегодня у меня была очень острая, «наболевшая» тема.

– Что за жизнь! – досадовала я, потому что приближалось лето – сезон отпусков и удовольствий, а Костя в очередной раз сообщил радостную новость, что этим летом он, скорее всего, не сможет выбраться из страны.

– Может, поедem без него? – аккуратно предложила Дудикова.

– Так он меня и пустил, – вздохнула я. – «Мы копим на квартиру», – скажет он и поправит пальцем очки. Ты знаешь, как он это умеет.

– Ага. – Динку аж передернуло.

– «Это неразумные траты». «Ты можешь поехать к своей маме в Петушки!»

– Вот гад, – вздохнула Динка. – А ты знаешь, что это вот ваше «копим на квартиру» уже давно не более чем слова?!

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась я. Ибо что бы я там ни говорила, а аргумент по поводу квартиры всегда действовал на меня благоприятно и отвлекающе. В чем-чем, а в этом мы с Костей были едины.

– А то. Я сегодня по радио слышала, что квартиры в Москве дорожают.

– Намного? – расстроилась я. Признаться честно, мечта о квартире, которая с самого начала была несколько отдаленной и нереальной, вдруг в один прекрасный момент приблизилась настолько, что я и сама почти в нее поверила. После какого-то изуверского кризиса, в результате которого как серпом скосило весь средний и более чем средний класс, квартиры за пару лет упали в цене так, что на маленькую однушку смогла бы накопить даже я.

Помню, Динка прибежала ко мне с газеткой «Из рук в руки», и мы азартно тыкали во всякие там объявления типа «продам недорого в хорошие руки однокомнатную квартиру в Кузьминках всего за 17 000 у.е.».

– Улет! – ахала Динка.

– Эх, если бы у меня эти деньги были прямо сейчас, – кусала я губы.

Путем простых подсчетов мы поняли, что в настоящий момент мы не можем приобрести эту квартиру, даже одну на двоих.

– Как же жаль, – расстраивалась Динка.

Мы, конечно, поклялись, что будем экономить на всем и копить, копить, копить, но... жизнь так коротка, а юбка по последней моде стоит так дорого. Кризис миновал, а мы не скопили и половины необходимого. Потом я вышла замуж, и вопрос о совместном с Динкой имуществе отпал, не успев подняться. Костя научился вежливо улыбаться в ее присутствии, но со временем все же смог дать нам исчерпывающе понять, что если он и не против этой странной, на его взгляд, дружбы, то уж точно не за. И мы принялись копить каждая на свой отдельный однокомнатный рай на земле. И за те пять лет, что минули со времени расстрела младенцев формирующегося среднего класса, мне удалось скопить уже десять тысяч, если не считать тех, на которые я планировала раскрутить со временем Костика. Вместе с ним мы бы могли располагать суммой в тридцать штук. Но весь ужас ситуации был в том, что к этому времени приличная однушка уже стала стоить около сорока.

– Может, занять? – лихорадило меня, потому что с пугающе стабильным интервалом Дудикова сообщала нам, что квартиры опять подорожали.

– У кого? – разводила руками она.

Это действительно был тупик. Только Костик еще мог бы что-то с этим сделать, но Костик и слышать не хотел ни о каких займах.

– Ты, что же, хочешь, чтобы мы платили бешеные проценты? Мы и так концы с концами едва сводим. Вот начнут давать ипотеку под нормальные проценты, мы с тобой сразу все и купим, – подводил он черту под моей мечтой. Он, конечно же, был в чем-то прав, потому что ипотеку давали только по благу и только тем, кто хорошо себя ведет. Это было не про нас. Я была рядовым менеджером туристического агентства с приятной, но левой зарплатой, а Костя хоть и работал на иностранную транспортную компанию, тоже не мог считаться олигархом, перед которыми открыты все двери.

– Будем копить дальше, – вздохнули мы, и жизнь пошла дальше по своему кругу. То есть молчаливые вечера с мужем и говорливые обеды с Динкой. Иногда мне казалось, что я попала в ловушку, но одна простая мысль, что Костик – все еще лучшее предложение на рынке прекрасных принцев, останавливала меня на полпути к идее о разводе. Если бы он знал, какие демоны разъедают мою душу, то, наверное, окатил бы меня ледяной водой, потом побил бы (интересно было бы посмотреть) и приковал бы наручником к батарее. Или все бы бросил и побежал воплощать в жизнь мою мечту о квартире. Но Костя жил, словно у нас и в самом деле

все прекрасно, и не замечал ровным счетом ничего. А зря. Потому что, хоть жизнь и текла привычной рутиной вокруг меня, мой непоседливый характер, с которым у меня всю жизнь одни проблемы, начал давать о себе знать. Я подумала, а почему, собственно, я решила, что мир сошелся клином на этом брюзге и ворчуне Косте Прудникове, с которым меня связывает только съемная квартира и общая фамилия? Разве я не могу ходить в театры сама? Разве запрещено мне участвовать во всяких корпоративных мероприятиях? В конце концов, я действительно могу купить путевку и поехать в какой-нибудь там Египет с Динкой. Почему нет? Раз я не могу купить квартиру, почему я должна проводить все вечера дома?

– Дорогая, тебе не кажется, что ты перебираешь? – иронично поднял бровь Костя, услышав от меня тираду о моей самостоятельности.

– А тебе не кажется, что ты создал для меня невыносимую жизнь? – испуганно упиралась я.

– Мне кажется, что у тебя какой-то кризис. Может, тебе сходить к психологу? – предложил супруг.

– Ты считаешь, что я сошла с ума? – перешла я на ультразвуковые частоты.

– Я не считаю, что ты когда-то в нем была, – поддел меня довольный своим остроумием супруг.

Собственно, именно с этого места все и началось, что называется, поподробнее. Я сходила в театр, гордо прослушала целую оперу в Большом, совершенно не в состоянии отогнать от себя мысли, что Костя сидит дома один, а я тут гуляю. Но передо мной стояло его сведенное усмешкой лицо, и вся моя сущность требовала возмездия.

– Хороший был спектакль? – сонно спросил супруг, когда я вернулась домой.

– Прекрасный, – разозлилась я и швырнула в него программкой.

Нет, разве это хоть на что-то похоже, до такой степени не интересоваться мной, чтобы даже ни секундошки не поревновать! Вызов был брошен, и я его приняла. Светская жизнь, о которой я успела несколько подзабыть за последние четыре года, обрушилась на меня шквалом нагрузок, бессонницей и головной болью. Муж стоически все это терпел. Вернее, он напоминал человека, которому на все это наплевать. А какая женщина выдержит такого мужа?

– Вот негодяй, – поддерживала меня изо всех сил Дина.

Мы решили, что надо использовать максимум средств для реанимации моего брака, и пошли на крайние меры – стали поговаривать о том, чтобы вместе поехать в отпуск. Было решено, что если Константину будет наплевать и на это, то дело однозначно плохо. Любовь прошла, завяли помидоры, и надо покупать новые сандалии. То есть нового мужа.

– О чем ты говоришь! – орал к моему вящему удовольствию Костя. – Какой такой Египет?! Какая такая Динка?! Чтоб я больше даже имени ее не слышал! Совсем распустилась. Что мне теперь, тебя дома привязывать?

– Как ты смеешь, – для проформы возмутилась я. – Я совершенно самостоятельная, взрослая, разумная женщина...

– Ага, рассказывай это своей Дине!

– И расскажу! – отвернулась я.

Однако обида растаяла как дым, ибо то, что я от Кости ожидала, он исполнил. Я была уже готова снова начать молчать с ним по вечерам («передай солонку» не считается), но оставалась последняя вечеринка, на которую я была приглашена и которую мы решили не отменять в чисто воспитательных целях. Пусть, мол, знает. Это была вечеринка по случаю Дня Победы на Динкиной работе в медицинском центре, где она работала главным бухгалтером.

– Только не возвращайся поздно, – вежливо попросил меня Костик и нежно поцеловал (не забыл, видимо, что я чуть не улетела отдыхать с подругой).

Мне немедленно захотелось все бросить и остаться дома, с ним. Я вдруг почувствовала какое-то неприятное томление внизу живота, а также в области солнечного сплетения. У нас,

у продвинутых духовных особ это называется «интуиция». В народе говорят проще и прямее: «попой чувствовала». Что-то было неправильное в этой Динкиной вечеринке, но отступать было поздно, да и муж, изобразив понимание и заботу, накинул на меня плащик и так резво побежал к телевизору, что я поняла, он не то чтобы не против, а даже за. Вот так иногда мы и двигаемся навстречу своей судьбе. Нам кажется, что мы просто идем на вечеринку. А на самом деле уже стоим одной ногой в... нет, не в могиле, а... но, впрочем, обо всем по порядку. Мы, женщины, когда начинаем рассказывать о проблемах, свалившихся вдруг нам на голову, делаем это максимально подробно и по порядку, с отступлениями и ремарками, достойными гениального романиста. Итак, я отправилась на вечеринку.

Глава 2

О сказках, рассказанных самой себе

Замечали ли вы когда-нибудь, что все врачи смотрят на нас, простых смертных, немного свысока? Это не так явно видно в городских поликлиниках, где весь персонал измотан огромными очередями, микрзарплатами и потребностью что-то в жизни поменять. И то, если попытаться у них спросить: «А я точно выздоровею?», – они посмотрят на вас таким взглядом инопланетянина – носителя высшей истины, что вам останется только робко пятиться к выходу, вежливо извиняясь. В платных клиниках, напротив, доктора будут, что называется, «сама душевность» и обязательно расскажут вам, что, конечно же, вы выздоровеете, конечно же, у вас все будет хорошо, но... только если вы будете слушаться вашего личного оракула (его то бишь) и выполнять все его назначения. Беспрекословно. Платный доктор, словно волшебник, уверен, что владеет древней магией, способной излечивать все болезни. В его арсенале сказочные таблетки, бронебойные микстуры, превентивные массажи и масса других недоступных человеческому пониманию спецсредств. Докторам чужда алчность, они не думают о деньгах (потому что о них уже подумали в регистратуре). Они просто исполняют свой долг. Однако магия рушится, если паче чаяния болезнь не проходит. Вот тут-то докторский арсенал и нужен особенно сильно. Ведь надо максимально подробно, исчерпывающе объяснить, почему ничего не получилось.

– Вы таблеточки пили?

– Пила.

– Ага.... А микsturку не забывали?

– Не забывала!

– Угу.... А физиотерапию? Вы всю физиотерапию прошли? – радостно вопрошает доктор, найдя брешь в обороне противника.

Моя голова виновато опускается, потому что я действительно не в состоянии два раза в день две недели ездить на физиотерапию в центр города. Доктор сияет. Причина найдена. Ура.

Интересно, что такой же подход к своей трудовой деятельности наблюдается у всяких там колдунов – магов и прочей коммерческой нечисти, помогающей приворотить-отворотить, снять (надеть) венец безбрачия и много еще чего. Сначала они (маги) потрясут вас всякими фейерверками, потрескивающими свечами и светящимися лунными камнями на столе. А потом, как и их коллеги, врачеватели тела, назначат вам в темную безлунную полночь накопать на сельском кладбище жабьих костей, перетереть их вручную до состояния пыли, смешать с пеплом от сожженной фотографии любимого и принимать четыре раза в день строго через десять минут после еды. Как вы понимаете, им тоже довольно просто потом объяснить, почему ничего не получилось. Может быть, колдуны – это врачи, которые не смогли поступить в мед из-за того, что грохаются в обморок от одного вида крови? Однако это все цветочки. Самые страшные враги докторов – это пациенты, утратившие веру в медицину. Все те странные люди, которые всерьез считают, что от простуды лучше всего поможет полноценный отдых и паровая ингаляция над картошкой. Эти изверги, которые не на словах, а на деле бегают по утрам в парке, при мигрени стараются расслабиться и массируют себе виски, вместо того чтобы сразу малодушно слопать анальгин. Моржи, гомеопаты, сторонники здорового образа жизни, последователи духовных оздоровительных практик, голодающие на соковой диете, проводящие много времени на свежем воздухе и всеми правдами и неправдами сбрасывающие стресс, который почитают за источник всех недугов, – как же они портят жизнь кудесникам-врачам! А что скажешь, если большинство этих негодяев действительно выглядят на удивление здоровыми и довольными собой? А как же препараты? Достижения науки? Если так пойдет, можно докатиться до того, что врачи будут нужны только в случаях острых воспалительных

процессов. Разве не оскорбительно, что людям, которые десять лет учились в разных вузах, оканчивали ординатуру и прочие заумные кафедры, не доверяют до такой степени, что начинают лечиться травами? Ну-ка, ешь таблетку! А то, того и гляди, разорится фармацевтическая промышленность.

– Ты знаешь, мне иногда кажется, что современный мир требует, чтобы общество, живущее в нем, было больным, – частенько говорила мне Динка. Уж кто-кто, а она точно знала, чем занимается медицина. Она ежедневно составляла отчеты о движении средств в этой коммерческой цитадели здоровья. Собственно, поработав в медицинском центре несколько лет, Динка стала маниакальной сторонницей здорового образа жизни и на все мои просьбы посоветовать таблетки от давления, нервов или бессонницы визжала, что я – самая главная цель и жертва фармацевтического заговора.

– Я же просто хочу немного прийти в себя, – возражала я поначалу, потому что не понимала, что в этом такого страшного, слопать снотворную таблетку.

– А что, ты из себя немного ушла? – ехидничала она. – А знаешь, как выглядит мечта современного врача?

– Как? – заинтересовалась я.

– Ожиревший аллергик, принимающий ежедневно средства от аллергии, против лишнего веса, от давления, от одышки, для сердца, для почек, для потенции, а также ежедневно три раза в день во время еды лопающий ферменты для пищеварения. Слышала рекламу?

– Что-то там... м-м-м... для желудка неотразим?

– Ага. Лопает фермент, а организм перестает вырабатывать свой. Но ведь это никому и не надо. Фармацевтика на сегодняшний день самый прибыльный бизнес. Они готовы сначала посадить тебя на препарат, а потом кормить тебя им за твои деньги хоть всю жизнь.

– Слушай, тебе надо в политику, – поражалась я Динкиному красноречию.

Все-таки, что бы ни говорил Костя, а Дудикова уникальна. Работать в медицинском центре и быть убежденным противником докторов – ну кто еще так умеет. Впрочем, активно она свою политическую позицию не афишировала. Скорее так, по мелочи, делилась со мной периодически. В основном когда что-то у нее на работе случалось. Тогда она пылала благородным гневом. В остальное время она старательно помогала своему центру обогащаться за счет всех этих стабильно и неизлечимо больных всякими мелочами людей. Самыми доходными были косметологические клиенты. Я поразилась, сколько же денег выбрасывается на ветер в надежде приблизить свою нормальную фигуру к тщедушной субтильной мечте, навязанной модельерами нетрадиционной сексуальной ориентации.

– Да на одни обертывания против этой долбаной апельсиновой корки уходит столько денег, что мы бы с тобой могли в месяц по квартире покупать, – злилась Динка.

– Ничего-ничего. Будет и на нашей улице праздник, – сжимала я кулаки. Впрочем, иногда Динка забывала о всей этой социальной несправедливости и принималась любить своих работодателей всей своей гомеопатической душой. Обычно это случалось либо в связи с повышением зарплаты или выдачей внеочередной премии, либо на вечеринках, после хорошего душевного воздействия с руководством. Как главный бухгалтер (а это такой пост, которого она добивалась несколько лет всеми правдами и неправдами, не брезгуя ничем), она заботилась исключительно о благе своего родного работодателя. И если медицину в целом Дудикова недолюбливала, то к конкретно своему медицинскому центру относилась в высшей степени нежно. Вот такой казус. И ее трудовое рвение не осталось незамеченным. На работе Динку ценили, хвалили и любили, особенно хозяева. Соответственно на всех вечеринках ей, а соответственно и мне, полагалось какое-нибудь козырное место за столом, куча комплиментов и знаков внимания. Динка была прирожденным Главным Бухгалтером, а я тихо грелась в лучах ее славы. Так было и на этот раз. Душевно и без скарעדности.

– О! Полюночка! Рад вас видеть, как жизнь? Как делишки, как детишки, – жестом отработанный годами радужности привлек меня в свои объятия главный врач клиники Петр Исмаилович.

Я старательно улыбалась.

– Петр Исмаилович! Ба, сколько лет, сколько зим! – выдала стандартную программу я.

Мы виделись с ним не так уж и давно, на Международный женский день. Помню, тогда кто-то из аспирантов принес караоке, и я весь вечер пыталась выдавить из людей слезу, распевая самые слезливые баллады Тани Булановой. У меня есть музыкальный слух, хотя в жизни это мне ничем и не помогло. Однако если надо чем-то потрясти окружающую подвыпившую публику, достаточно грянуть «Опустела без тебя земля». Хотя эта песня не Тани Булановой. Но кто там будет считаться после второго часа застолья? В общем, погуляли мы тогда неплохо, но теперь традиционно радовались друг другу так, словно расстались еще до естественной смерти СССР от старости и склероза.

– Прошу к нашему столу. Нет, позвольте, я за вами поухаживаю, – суеился главврач, пододвигая к нам нарезанные еще в магазине колбаски.

– Ну что вы, что вы. Мы и сами себе все нальем, – издевалась Динка.

Петр Исмаилович смеялся и грозил Динке пальцем. Дальше до определенного момента все шло по программе. Сначала Петр Исмаилович торжественно объявил минуту молчания в честь памяти павших. Мы все искренне помолчали. Кое-кто совместил молчание с намазыванием бутерброда. А чего время-то терять? Потом Динка в качестве главбуха подняла тост за дальнейшее процветание их благословенного центра, который выполняет важную и благородную миссию – несет людям здоровье.

– За наличный расчет, – раздалась сдавленная реплика с галерки. Из области медсестер.

– Что за нездоровый цинизм! – шутливо воскликнул хирург-косметолог Семен Демидович. Кто как не он лучше всех знал о том, сколько стоят медицинские радости. Однако в простой земной жизни Семен Демидович был шутником и балагуром, что делало его поистине бесценным для пьющей и веселящейся компании. Мы с ним традиционно каждый раз пили на брудершафт, прилюдно целовались и переходили на ты. Так он поступал практически со всеми, и, хотя уже не осталось никого, с кем бы Семен соблюдал официальную форму обращения, пить на брудершафт мы продолжали. На этом, если можно так выразиться, заканчивалась трезвая официальная часть и начиналась собственно корпоративная гуляба.

– Девчонки! Что вам налить? – гостеприимно махал бутылками Паша – охранник, который хоть и не имел никакого отношения к медицине, но вечеринки без него никто и не представлял. Уж больно хороший и заботливый из него получался тамада.

К концу первой бутылки мартини, когда дамы еще не готовы пить коньяк, но внутренне уже понимают, что без этого никак не обойтись, я поняла вдруг, что на самом деле, несмотря на весь Динкин сарказм, очень люблю врачей за их открытость и простоту, а также за то, что им (особенно их мужской половине) очень идут белые халаты. Я покраснела и почувствовала себя очень хорошо, даже, может быть, слишком хорошо, что не могло объясняться одной только вечеринкой.

– Поль, ты чего? – забеспокоилась Дудикова, потому что, если быть до конца честной, я вдруг почувствовала, что моя любовь к людям в белых халатах базируется не просто и не только на спиртном, но и на том, что привычную разношерстность нашей компании разнообразил вдруг кто-то незнакомый.

– Я? Я ничего. А это кто? – слабо кивнула я в сторону неожиданно появившегося в наших рядах восьмого чуда света. Тоже в белом халате и на вид настолько напоминающий прекрасного принца высшей категории (т. е. голубые глаза, улыбка Александра Абдулова, грусть Олега Меньшикова и обаяние Федора Бондарчука. Плюс его же рост), что у меня, как говорится, в зобу дыханье сперло.

– А тебе чего?! Ты только вчера мне клялась, что у тебя с Костиком все в полном ажуре, – забеспокоилась Динка.

И ее можно понять. Нет, мы обе не были с ней моралистками, но поскольку я выходила замуж по любви и планировала жить с Костиком вечно в полной гармонии, считалось, что я никак не должна реагировать на голубоглазых красавцев. Что я вот уже четыре года и делала. Я стойко игнорировала любые поползновения на свою женскую неприкосновенность со стороны кого бы то ни было. А тут, прямо скажем, я даже сама не поняла, что это со мной такое странное произошло. И вроде бы я ничего такого не делала, а тихо цедила мартини и любовалась под звон бокалов мужчиной редкой красоты, улыбчивости и притягательности. Мне казалось, что я веду себя прилично. Да, собственно, так оно и было. Вот только... знаете, я где-то читала, что когда мужчина или женщина испытывают к кому-то симпатию, то они буквально всей кожей начинают вырабатывать какой-то гормон, способный привлечь объект. Подманить поближе. Вот и я сидела себе в своем уголке около главного врача, молчала в тряпочку, потягивала через трубочку раскрепощающее зелье, но мое тело уже автоматически изогнулось в соответствующей моим стремлениям позе. Мои губы сами собой стали мягче, краснее, влажнее, и уж не знаю что еще. И, конечно, гормон. Я вырабатывала его за все четыре года простоя. И ни одна мысль о том, что, может быть, я не права и не очень порядочно поступаю по отношению к Косте, не омрачила мою голову.

– Это наш новый окулист, – недовольным тоном сообщила Дина. – Подумаешь! Ну, просто красивый мужик.

– Боюсь, что не просто, – выдохнула я. Мне казалось, что от его коротких заинтересованных взглядов я разучилась дышать.

А он, конечно, уже заметил, почувствовал мой интерес. Хотя я его и старательно маскировала под вежливые улыбки, не обращенные ни к кому конкретно, и под рассеянный взгляд «я смотрю на всех, а вовсе не на вас».

– Алле? А Костя? Костя? – скандировала Динка.

Я растерянно оглянулась. Даже просто оторвать от него взгляд было для меня проблемой. Странно, что я не переспросила, кто такой Костя.

– Но я же не делаю ничего предосудительного, – совершенно искренне возмущалась я.

И в самом деле, чего они все ко мне пристали? Я сама не понимала, что со мной происходит, но, во всяком случае, никакого чувства вины не ощущала. Это уж точно. Что такого, если я в кои-то веки заметила мужчину, на которого мне хочется произвести впечатление? Мне уже сто лет не хотелось ни на кого производить это самое впечатление, включая и Костю, про которого я уже давно все знала и все понимала. То есть когда-то, четыре года назад, я так же трепетала от Костиных взглядов. И так же мучилась от неуверенности, пытаясь угадать, что он сделает и скажет. И когда. Но потом он сказал мне все те самые заветные слова, которые я так от него ждала.

– Дорогая, а не пожениться ли нам? – деловито предложил он.

Я, конечно, захлопала в ладоши и немного поломалась для приличия. Минут пять. А чего вы хотели, если я мечтала о Косте, не спала из-за него по ночам? А вдруг, если бы я принялась думать над его предложением, он бы снял его с повестки дня? Так что мы поженились, и я на самом деле была абсолютно счастлива, но потом... Потом все как-то обмельчало. И мне почему-то не кажется, что такие процессы происходили со мной одной. Видимо, любовь, как и все на свете, имеет некоторый срок годности. А после него она портится и протухает. Вроде бы вот она – твоя любовь, сидит на диване, читает газетку. И она тебе до сих пор дико дорога, как и все, за что ты дорого заплатила, но муж после окончания срока годности становится больше родственником, чем мужем. Как в какой-то момент вино становится уксусом. Кто сказал, что уксус плох. Тоже нужная вещь. Но это уже не вино.

– Полинка, может, нам смыться? – сделала последнее поползновение на мою свободу Динка.

– Не получится. Я отсюда не уйду. Ты хоть представляешь, как давно на меня никто не смотрел таким взглядом! – пояснила я ей свои намерения.

– Ну, смотри. Я тебя предупреждала, – разозлилась Динка и бросила меня одну на поле боя.

В том, что мы имеем самое настоящее поле боя, я уже даже не сомневалась. Судя по неопределенности, которая исходила от этого красавца, между нами завязалась самая настоящая интрига. Мы оба разыгрывали спектакль «ни за что не подойду первым». На повестке дня стоял вопрос ответственности. Смешно, но в самые тонкие моменты нам кажется, что если первый шаг сделали не мы, а «он» – значит, он и будет во всем виноват.

– Ты что, всерьез предполагаешь, что в том, как ты поедает глазами нашего окулиста, нет ничего предосудительного? – шипела на меня Дудикова.

Но разве можно остановить телегу, летящую под откос? Красавец стрелял по мне глазами из всех орудий, я одно за одним сдавала все оборонительные укрепления, и наконец, когда дамы в белых халатах отплясали под «все будет хорошо» Верки Сердючки и, вздохнув, перешли к коньячку с лимончиком, над моим ухом раздалось сакраментальное.

– А вы танцуете?

– Не сегодня, – томно ответила я, пытаюсь сразу дать в голос по максимуму загадки.

Все-таки мне уже было практически тридцать лет и уж что-то, а то, как подстегнуть мужское воображение, я знала. Нет, я не была роскошной красавицей, от которой любого вышибет в осадок. Даже напротив, большую часть жизни я провела, чувствуя себя гадким утенком. У меня были достаточно широкие бедра, но при этом почти полностью отсутствовало такое явление, как грудь. К тому же у меня были достаточно резкие черты лица. Три эти фактора просто убивали меня... лет до двадцати трех, после чего я поняла, что, если все равно изменить ничего нельзя, надо попытаться извлечь максимум из того, что есть. Тогда я провела ревизию и обнаружила:

а) у меня длинные ноги,

б) у меня красивые губы,

в) на маленькой груди прекрасно сидит любая одежда,

г) у меня не такие уж полные бедра.

В моем варианте это скорее плюс, чем минус. А раньше я просто была дурочкой и сама не понимала своего счастья. После этой ревизии мне стало гораздо легче общаться с людьми. Я отпустила длинные волосы и тратила массу времени на уход за ними. Путем совместных усилий природы и достижений химической науки мои волосы приобрели красивый пепельный оттенок. Вкупе с умело подчеркнутыми губами все это производило такое впечатление, что любой мужчина совершенно искренне решал, что я – просто белокурый ангел. Правильно подобранная одежда, высокий рост и уверенность в себе сделали остальное. Вот уже лет семь, как я являла собой наглядное подтверждение французской народной мудрости, которая гласит: если женщина до тридцати лет не стала красавицей, значит, она полная дура. Я – стала. И теперь только оставалось узнать, насколько результаты моих усилий смогут поразить этого голубоглазого красавца окулиста, который был явно раздосадован моим отказом слиться с ним в танце.

– А почему? – раздраженно переспросил он.

– Нет желания, – повела я плечами. Похоже, что он все-таки клюнул. Приятно, черт возьми.

– Тогда, может, я проверю вам зрение? – оглядел меня профессиональным взглядом он. Я развеселилась.

– Боюсь, что сейчас это будет необъективно. У меня явно все глаза в кучку, – отказалась я, хотя идея остаться с ним один на один в кабинете, где он заботливо надо мной склонится, –

была неплоха. Но это было бы до такой степени очевидно и неприлично, что я ни за что не могла на это решиться. Нет, об этом не могло быть и речи. Я огорченно замолчала.

– Я – Денис, – немного подумав, широко улыбнулся принц. – Неужели же я действительно должен мучительно изобретать повод, чтобы познакомиться с приятной женщиной?

– Нет, конечно. Хотя надо еще понять, что вы имеете в виду, говоря «познакомиться», – лукаво отреагировала я.

– Ну, мне почему-то кажется, что между нам много общего.

– Между нами ровно ничего нет, – подколола его я. – Полина.

– Очень, очень приятно, – ответил он многозначительно целуя мне руку.

А дальше началось то, ради чего все это, собственно, и затевалось. Мы обменивались многозначительными взглядами, но бросались ничего не значащими фразами. Он делал мне витиеватые комплименты с двойным дном, я показывала, что я далеко не то, что можно подумать обо мне с первого взгляда.

– Вы замужем? – вопрос прозвучал ближе к ночи, когда спасители человечества в белых халатах столь мало сами напоминали людей, что лечиться у них было бы неразумно.

– Да, – не стала таиться я. Ведь я продолжала рассказывать себе сказки, что вовсе ничего плохого в виду не имею, а просто хочу получить немного позитивных эмоций. Ненаказуемо. Я никого не обманываю. Вот.

– А я женат, – не стал таиться он, из чего я заключила, что он не так уж и плох с моральной точки зрения и, возможно, тоже не планирует ничего предосудительного по отношению ко мне. Иначе зачем бы он признавался в узах, связывающих его? Если бы после этого Денис рассказал мне историю про то, как супруга его не понимает и как их отношения давно сошли на нет (мы спим в разных спальнях), а потом попробовал бы предложить мне что-то типа: «А не разнообразить ли нам с вами нашу скучную семейную жизнь?» – все бы закончилось, не успев начаться. Я бы тут же расхохоталась ему в лицо и отправилась бы к своему родному мужу, чтобы вместе с ним обсудить вопрос о том, какие же все-таки мужики кобели. Денис с пониманием отнесся к тому, что я ношу обручальное кольцо.

Разве мы не можем просто немного пообщаться? Выпить кофе, поговорить о жизни, успокоивать мы бдительность друг друга.

Очень скоро вся эта шутка стала уже не такой смешной. Весь остаток вечера мы разговаривали по душам, как это бывает со случайным попутчиком в самолете. Он слушал меня, много рассказывал сам, мы понимали друг друга. На самом деле понимали! Словно были давно знакомы. Наши проблемы были не понаслышке знакомы друг другу. И это было самым ужасным. Потому что устоять перед притяжением физического толка – это не вопрос для взрослой опытной женщины, привыкшей смотреть на все под несколько скептическим углом. А вот попробуйте устоять перед возможностью излить душу человеку, который выслушает вас, поймет, а в ответ изольет свою. Тем более если у него такие синие глаза, такой внимательный взгляд, такие теплые руки.

– Я тебя провожу? – спросил он, когда стало ясно, что еще чуть-чуть, и домой будет ехать просто неприлично.

– Конечно, – радостно кивнула я, потому что мне до смерти не хотелось оборвать ту невероятно красивую, тонкую нить, которая неожиданно объединила меня с ним в простой дружеский союз. Как я предпочитала думать. Потому что, если бы я была чуть трезвее (или чуть честнее), я бы сказала, что между мной и Денисом категорически исключены любые дружеские контакты. Какая дружба, если я поминутно облизывала губы? Так или иначе, под удобным покрывалом дружеской безопасности Денис доставил меня до дома на такси, в котором мы всю дорогу захлеб делились мыслями о карме, духовности, предназначении человека и психологии, как пути в рай. А также об ограниченных возможностях медицины, границах сознания, внутренней силе самого человека. Да я с Динкой не получала такого удовольствия, какое

вдруг неожиданно испытала от разговора с ним. Оказалось, что он, в отличие от Константина, прекрасно понимает все, о чем я ему рассказываю. И не только понимает, но во многом даже разделяет мои убеждения.

– Невероятно, – смотрела я на Дениса, стоя у подъезда.

Сейчас, когда мы должны были расстаться навсегда, он казался уникальным, посланным судьбой, самым прекрасным, что случилось со мной за последние годы. А Костик, который наверняка в это время мирно спал несколькими этажами выше, вдруг поблек и стал каким-то неинтересным, как будто его кто-то вдруг высушил и повесил под чехлом в старый шкаф.

– Тебе не кажется, что мы не должны вот так взять и потеряться? Не для этого нас свела судьба, – улыбнулся Денис.

Нотка беспокойства, конечно, шевельнулась у меня где-то глубоко внутри, но как молния, всего на секунду. А дальше я безропотно дала Денису свой телефон (мобильный, конечно, что лишний раз подтвердило всю двусмысленность нашего знакомства). Если мы были просто приятелями, то почему я не решила дать ему домашний телефон, где трубку мог бы взять Константин? И позволила поцеловать себя в щеку под какую-то банальность типа «приятно было познакомиться», и отбыла домой с легким чувством вины, от которого я отмахивалась как от дежавю. Кроме того, меня охватил неизбежный смутный интерес. Позвонит – не позвонит?

– Ты считаешь, это нормально? – встретил меня у дверей Константин.

Оказывается, я ошиблась. Он вовсе даже и не спал. Я моментально покрылась пятнами от мысли, что Костя мог видеть нашу с Денисом сцену прощания.

– Что случилось, – переспросила я заплетающимся языком.

– Уже первый час ночи! Ты считаешь, что это нормально, приходить домой пьяной посреди ночи? Почему ты отключила телефон?

– Я не отключала! – замотала я головой. Однако тут же вспомнила, что действительно Костя звонил, а я нажала на кнопку, потому что Денис в этот момент говорил что-то очень-очень важное. Я не сочла возможным его прервать.

– И почему же ты приперлась так рано? – продолжал орать супруг.

Меня охватило чувство, что я опять школьница, которую мама ругает за опоздание. Нет, у нас с мужем определенно сложились родственные отношения.

– Я просто выпила и забыла о времени. Больше не буду, – с облегчением выдохнула я. Мне вспомнилось, что наши окна выходят на другую сторону. Поэтому, что бы там Константин ни орал, видеть он ничего не мог. Собственно, ничего и не было, запоздало напомнила я себе. Но на сей раз даже я сама в это не поверила.

Глава 3

Об искусстве быть невидимкой

Утро добрым не бывает – истина, которая не подлежит сомнению. Не знаю, как у вас, а у меня, истинной «совы», необходимость вставать по утрам вызывает глухое неудовольствие, а местами негодование. Ну почему законодатели не установили трудовые нормы, при которых рабочий день начинался бы с обеда и длился бы часов до десяти? Вот вы часто ли встречаете ископаемых граждан, именующих себя «жаворонками»? Так-то! Значит, абсолютное большинство трудоспособного населения идет против природы, выдирая себя из-под одеяла в семь утра. Впрочем, мне, наверное, повезло вдвойне, потому что этот самый ископаемый «жаворонок» вот уже четыре года спит со мной под одним одеялом. Поэтому большую часть времени мы с ним смотрим, как любимый (любимая) еще или уже спит. Косте удастся отключиться уже в половине десятого, да и то мне кажется, что он держится только для того, чтобы успеть употребить в себя последние новости по Первому каналу. К половине десятого все основные новости заканчиваются, поэтому Константин Яковлевич немедленно покидает наш мир, чтобы вернуться в него в шесть утра. Так что в момент, когда я подхожу к кровати, он уже мирно сопит. А когда я с трудом разлепляю веки под вой будильника, он уже помылся, побрился и смотрит на кухне новости в ожидании завтрака.

– Это несправедливо, что я на бегу должна делать тебе завтрак, тогда как ты смотришь телек, – много раз возмущалась я.

– Жизнь вообще несправедливая штука, – философски реагировал он. – Вставай раньше, и тебе не придется бегать.

– Это тупик, – вздыхала я и запихивала хлеб в тостер.

Да, жена должна готовить еду. С этим не поспоришь. А поскольку я привыкла все в жизни делать всерьез и со старанием, то завтраки, которые я подавала супругу, привязывали его ко мне гораздо сильнее, чем чувство долга. Еще бы. Где еще ты сможешь откусать перед рабочим днем сэндвичи «Бенедикт» с обжаренным до хрустящей корочки беконом, круассаны с теплым сливочным маслом, ароматный кофе с шапочкой из взбитых сливок с корицей. Варианты разнились, но результат был один: Костя за обе щеки лопал мои завтраки (впрочем, как и обеды, полдники, ужины и вообще все, что я подавала ему на стол), целовал в щеку и отбывал по своим делам. А я отбывала по своим.

Мои дела располагались на Ленинских горах, в здании МГУ, но только не надо думать, что я имею какое-то отношение к фундаментальной науке или к взращиванию нового поколения ученых, которые будут изобретать очередную бомбу или строить гипотезы о происхождении человека. К науке я глубоко равнодушна, но МГУ, будучи прогрессивным учреждением, шагающим в ногу со временем, сдавало в аренду российскому бизнесу те помещения, без которых наука вполне могла бы обойтись. И мое турагентство располагалось в красивейшем и подавляющем размерами (у проектировщика, наверное, были нехилые комплексы) главном здании. Каждый божий день я взлетала и падала по шахтам стареньких лифтов, окруженная гвалтом и сутолокой студенческой массы. Я проходила длинными коридорами с высоченными потолками и каждый раз чувствовала себя причастной к чему-то нетленному, вечному. Но потом я пересекала черту, разделявшую цитадель науки и источник туристической радости и приступала к исполнению своих обязанностей. Обязанностей у меня было тьма.

– Ты записала тургруппу на перелет?

– Какую тургруппу?

– Я посылаю тебе SMS, – рычал вечно опаздывающий во всем, как кролик из Страны чудес, Василий Рокотов, мой НН (непосредственный начальник).

Если есть на свете такая порода людей, которая предпочитает жить в вечном аврале, так это мой НН. Все, что он делал, надо было закончить еще вчера. Все, с кем он работал, через некоторое время начинали сходить с ума. И именно потому, что я приносила хоть каплю размеренности в его хаос, меня так ценили и в нашем агентстве.

– Я SMS не получала, – радостно заявила я. – Так что давайте заново и по полной программе. Какая тургруппа?

– Тургруппа студентов, которые хотят полететь в Сочи на горнолыжный курорт.

– Откуда они взялись? В Сочи сейчас все на фиг растает?! – попыталась призвать я его к разуму. Но НН и рассудок – взаимоисключающие понятия. НН имеет вместо мозга калькулятор, подсчитывающий прибыль. Остальное его не интересует. Если студенты хотят кататься по горам без снега – почему нет?

– Ничего, они знают. Ты только их туда отправь. Там двадцать человек! – чуть не заплакал НН. – Я уже и предоплату взял.

– А фотографии показывал? – поинтересовалась я.

Это было очень важно, понять, чего будут ждать от наспех сляпанной поездки студенты. Если они просто хотят пару раз скатиться по склону, а потом куролесить на полную катушку, пропивая родительские бонусы за хорошую учебу, – это одно. А если они всерьез ждут, что в середине мая в Сочи можно насладиться горными спусками – это другое. В первом случае все может получиться просто идеально, потому что пить и гулять студенты могут и при отсутствии снега, который красиво изображен на наших фотографиях. А вот если они, напротив, планируют именно спортивные переживания, то надо созваниваться с отелем в Красной Поляне и уточнять, а есть ли у них еще снег.

– Показывал, – горько кивнул НН.

– Тогда я ни за что не отвечаю, – замахала я руками.

– Конечно-конечно! – заискивающе кивнул НН.

– Ничего не конечно, – отрезала я. – Если они придут сюда ругаться и требовать назад свои деньги, я на самом деле встану, уйду и предоставлю тебе разбираться с ними самостоятельно. Это ты понимаешь?

– Да, – после долгой паузы кивнул НН. Видимо, майские праздники высосали из него материальные ресурсы, которые требовали немедленного пополнения.

– Хорошо. – Я хлопнула папкой регистрации заказов.

Дальше все закрутилось-завертелось. Я отвечала на телефонные звонки (да, мы действительно самое лучшее-честное-старое-чуткое-дешевое туристическое агентство, способное воплотить в жизнь все ваши мечты), делала ответные звонки (мы тут продали ваш тур, хотели бы узнать, а действительно ли он у вас есть), оформляла оплаченные путевки (девушка, ну, сколько мы будем ждать!), пыталась убежать на обед (только через мой труп!). Именно таким образом я прожила последние пять лет моей жизни. С компанией «Отдых в хорошие руки», с ее НН и сайтом, в котором мы обещали нашим клиентам любые капризы по всему миру. Интересно, что на сайте мы смотрелись, как супер-пупер крупная корпорация, а на деле занимали несколько комнат в главном здании МГУ. Весь «Отдых» состоял из пяти менеджеров, нервного НН, секретарши, которая прекрасно умела делать маникюр, гадать на кофейной гуще (за что ее особо ценили), распечатывать квитанции на оплату и трепаться по рабочему телефону со своими подружками, из-за чего многие клиенты не могли дозвониться до нас.

– Уволю! – орал каждый раз НН, видя, как Аллочка решает по рекламному телефону семейный вопрос очередной подруги.

Аллочка бросала трубку и изображала активную деятельность до тех пор, пока не возникал вопрос, как заставить мужа другой подруги повесить ковер на стену.

Позже мне звонила Динка, и мы с ней договаривались о том, когда лучше встретиться в Кофе-Хауз. После чего я бросала консультировать счастливиц, доставших меня через Интернет и «Аську», и ехала к Динке.

Мы выбрали Кофе-Хауз посередине между нашими работами. Ее медцентр базировался на «Кропоткинской», я соответственно перлась с «Университета». Кофе мы пили на «Парке культуры», но все равно обеденное время растягивалось у нас на два часа.

– Буду штрафовать, – пугал меня НН.

Но я-то знала, что не будет. Потому что кто, кроме меня, сможет одновременно общаться с Аллочкой, отвечать по «Аське», оформлять путевки, принимать деньги и вежливо, но твердо отбихиваться от тех, кто уже «отдохнул», но имеет ряд невыраженных в договоре претензий. По статистике, как бы хорошо ни был организован отдых, количество довольных относилось к количеству недовольных в пропорции 7:3. То есть трое из десяти в обязательном порядке требовали от НН компенсации за:

слишком сильный ветер,
слишком слабый ветер,
слишком холодное море,
слишком теплое море,
слишком грубое обслуживание,
слишком дорогое обслуживание,
слишком болтливое обслуживание,
слишком скучное обслуживание,
слишком вообще все.

– Извините, но мы ответственности за ненадлежащее обслуживание принимающей стороны не несем, – ласково, но привычно говорила я. – Наша ответственность заканчивается, как только вас в аэропорту встречает уполномоченный представитель туроператора.

– Что?

– То! Никто ничего вам не вернет, – ласково внушала я им.

– Жаль, – рано или поздно соглашались они.

Интересно, что те трое из семи, что были недовольны сегодня, обязательно оказывались недовольны и завтра, и послезавтра, и вообще всегда. Поэтому я сделала вывод, что недовольство – необходимый элемент их отдыха. И напрягаться, чтобы лишить их удовольствия быть недовольными, нет никакого смысла. Что я соответственно и делала. Вообще, работа моя мне нравилась, хотя на свете наверняка есть места и получше, чем «Отдых в добрые руки». Но, по моему, от добра добра не ищут, а помимо денег я не могла не учесть хороший микроклимат в коллективе (НН не считается), возможность изредка опаздывать (если честно, почти каждый день) и иногда, раз в год, съездить на халяву в какую-нибудь теплую страну (пусть хоть на пару дней).

– Ты не амбициозна, – ругался со мной Константин. – Карьера обязательно должна куда-то развиваться.

– Куда? У нас дальше НН никто не пойдет. А становиться НН я совершенно не желаю, – отбивалась я.

– Если карьера не движется на этом предприятии, найди другое! – разводил руками Костя. – Подай анкету в рекрутинговое агентство.

– Я подумаю, – злилась я из-за того, что Костик, как всегда, был прав.

Нет ничего хуже, чем понимать, что он всегда прав. Особенно когда он прав, а я ничего не хочу менять. В этих условиях его правота особенно болезненна. Ну как ему объяснить, что я не желаю поменять Аллочку на безликий ряд операторов крупной компании?! Все-таки есть в замужестве свои отрицательные стороны. Когда я выходила замуж, то думала, что Костя и дальше будет продолжать мной восхищаться, приносить кофе в постель (был у нас однажды

такой прецедент) и обеспечивать мне комфортную беспроblemную жизнь. Но оказалось, что он рассчитывал примерно на то же самое, только в обратном векторном направлении. А до свадьбы он всего лишь заманивал птичку в силоч. И теперь, особенно после памятного вечера с Динкиным окулистом, я стала видеть это более четко. Все Костины недостатки словно удесятерились.

Через пару недель я уже с неотвратимой ясностью понимала, что дальше так продолжаться не может. Если бы меня спросили, что именно не может продолжаться, я бы, конечно, не смогла ответить определенно. Потому что мое недовольство носило чисто умозрительный, эмоциональный характер.

– Он не спросил у меня, как я провела день, – жаловалась я Динке, хотя на самом деле, даже если бы Костя спросил, как я провела день, вряд ли бы что-то сильно изменилось.

– Чего ты хочешь, он знает тебя как облупленную. И уж точно может представить себе, как ты провела день. Зачем ему об этом спрашивать? – удивлялась Динка.

Я задумчиво жевала петрушку. На самом деле единственный момент, который ежедневно портил мне настроение, был простым и ясным. Мне не позвонил Денис. Негодяй. Значит, это был обычный пьяный треп?

– Мне не хватает внимания, – отмахивалась я от Динки.

– Чьего? Чьего внимания тебе не хватает, – строго вопрошала она.

Я подумала, что раз прошло уже две недели, а он так и не позвонил, то я могу уже перестать сдерживаться и копить все в себе.

– В принципе, вообще. Вообще внимания. И я не думаю, что Костино внимание может решить вопрос. На самом деле Костино внимание уже давно обесценилось, как рубль после дефолта.

– Ты знаешь, я почему-то так и подумала, – довольно подвела итог Динка. – Денис?

– Нет, что ты, – перепугалась я. – Я о нем уже и думать забыла.

– Врешь, – с удовольствием хмыкнула подруга.

Я ее замечание проигнорировала:

– Просто у нас, видимо, кризис. Знаешь, такие бывают у всех в браке.

– Значит, не Денис, – задумчиво повторила Динка.

Я сжала зубы:

– Нет.

– Ну, тогда я тебе и не скажу, что он у меня спрашивал сегодня с утра, – победно закончила она.

Я онемела. Подруга называется.

– Ну и не надо.

– Хорошо, – фальшиво пожала плечами Динка и демонстративно принялась изучать счет.

– Ну, до завтра? – улыбнулась я, трясаясь от ярости.

– Ладно, сядь, – сразу сдалась она. – Он спрашивал твой телефон.

– Зачем? – оторопела я.

– Значит, у него он и так был? – улыбнулась Динка. Я покраснела. – Ладно. Думаешь, я не понимаю?

– Ну? – уставилась я на нее.

– Что ну? – невинно переспросила она.

– Дала?

– А ты как думаешь? Конечно, нет! Сказала, что ты серьезная замужняя женщина.

– И правильно, – огорчилась я.

Но тут Дудикова расхохоталась и бросила счет с деньгами на стол.

– Да успокойся. Потерял он твой телефон. Потерял. Так что я дала. Надеюсь, это не преступление? Он сказал, что хочет проконсультироваться с тобой по поводу летнего отпуска. Ты же в этой сфере эксперт?

– Ну да, – облизнула я губы.

За те две недели, что я нервничала и ждала звонка, я уже успела испытать все возможные муки совести. Муки наступили и прошли. А вот ожидание звонка осталось. Совесть в условиях, когда ей не было из-за чего страдать, умолкла. Я проводила вечера рядом с Константином Яковлевичем, подавала ему ужин, смотрела, как он спит, слушала его бесконечные рассуждения о судьбах страны и человечества, восхищалась его умом... Я даже чувствовала к нему еще большую нежность, чем обычно. Мне было даже его немного жаль, потому что он так спокойно и уверенно сидел на своем месте, в то время как я ждала звонка от другого мужчины. По мере того как время шло, чувство вины умолкло совсем, а злость из-за того, что Денис так и не позвонил, обрушивалась на голову Константина, который и понятия не имел, что со мной происходит.

– Почему ты не погулял с собакой и полчаса?

– На улице холодно.

– Тебе холодно? А собака, значит, должна страдать? Ты что же, вообще не в состоянии думать о других?!

– Что с тобой? Тебе не кажется, что ты придираешься? – жалобно взывал он ко мне.

Я иступленно снимала раздражение. Да, так действительно дольше продолжаться не могло. Мы быстрыми темпами шли к такой ругани и конфликтам, что, когда в моей трубке телефона раздался нерешительный хриловатый голос Дениса, я на самом деле перекрестилась.

– Привет, – сказал он, даже не представляясь, а у меня сразу кровь прилила к лицу. Все мое недовольство жизнью сразу слетело, как пепел на ветру. Он позвонил. Дальше будет что-то еще. Дальше что-то будет, неважно что. Улыбка, уже почти сменившаяся гримасой негодования, снова вернулась на мое лицо.

– Привет, – тихонько ответила я и поспешно вышла из комнаты. Хотя он и звонил «просто, чтобы проконсультироваться относительно отпуска», я почему-то подумала, что Косте незачем этого слышать.

– Извини, что раньше не позвонил.

– Да я и не ждала, – как можно равнодушнее откликнулась я.

– Да? – споткнулся Денис. Я улыбнулась сама себе. Все-таки что-что, а правила игры я не забыла. – Совсем не ждала?

– Абсолютно, – сказала я таким тоном, который мог говорить только об обратном.

– Я хотел... проконсультироваться, – закашлялся Денис. – Можно?

– Конечно, – кивнула я.

– Тогда до завтра?

– До завтра. – Мы тихонечко договорились встретиться после работы и отключили связь.

Потом я еще долго гремела на кухне посудой. Перемыла до блеска все, что только смогла найти грязного. А затем, лишь бы только не идти в комнату и не встречаться глазами с мужем, я принялась готовить темпуру, которая потребовала от меня полной самоотдачи и погружения. Это сложное и многоступенчатое блюдо очень нравилось Константину, поэтому, когда через пару часов мы с ним сидели за столом, его лицо выражало полное и безоговорочное счастье. Как и мое. Люди – слабые создания, во многом, очень многом, подчиненные влиянию инстинктов. Понимала ли я, что то, что я завтра встречу с Денисом, «чтобы его проконсультировать», – плохо? В том-то и дело, что нет. Я старательно уговаривала себя, что пока еще ничего плохого не случилось. Да и вряд ли случится. Я с удовольствием слушала, как Динка рассказывала, что практически ни одна семейная пара не минует такого рода проблем.

– Но я же ему не изменяю! – гордо убеждала я подругу. – И не собираюсь. Просто мне хочется пообщаться с приятным мужчиной.

– Конечно, – кивала подруга. – Только ты мне-то не рассказывай. Я-то тебе не муж, чтобы лапшу на уши вешать. То, что происходит сейчас, в сто раз хуже, чем физическая измена.

– Почему? – недоумевала я.

– Потому что в своей голове, или даже скорее в сердце, ты уже давно оставила Костю. Предала его.

– Ты не права, – отнекивалась я. – Я видела Дениса всего один раз.

– И что? Я же не говорю, что ты предала его с Денисом. Просто если раньше ты думала о том, чтобы получить все, что тебе нужно от Кости, то теперь ты только и делаешь, что рассказываешь мне, как ты ему не изменяешь.

– Ты гадюка, – расстроилась я. – Что же мне делать? Не ходить?

– Если можешь не ходить – не ходи. Но мне почему-то кажется, что не ходить ты не можешь. Я не права?

– Права, – вздохнула я.

На следующий день я стояла около выхода из «Ленгор», спрятавшись за одну из колонн, и наблюдала за Денисом. В джинсах и в открытой льняной рубашке с короткими рукавами, он казался мне таким красивым, таким настоящим... Он выискивал в толпе меня, сжимая в руке букет гвоздик. Красных. На розы не решился, но цветы принес. И это называется: он «просто хочет проконсультироваться относительно отпуска»?

– Привет, – окликнула я его со спины.

– Привет. Прекрасно выглядишь! – Денис окинул меня восхищенным взглядом. Я была в летящем свободном платье (чтобы не подчеркивать бедра) с оборками на груди (чтобы обозначить ее наличие).

– Ты тоже смотришься неплохо, – с легкостью взмахнула я сумочкой. – Цветы – мне? Или супруге?

– А? Что?

– Ничего, – улыбнулась я. – О чем ты хочешь проконсультироваться?

– Об отпуске, – выдавил Денис и покраснел.

Интересно, а что он хотел? Чтобы я пришла и повисла у него на шее?

– Рекомендую Тунис, – предложила я.

– Может, обсудим это в кафе? – привел себя в порядок Денис. Все-таки он тоже не был ребенком и не в первый раз играл в эти взрослые игры. И, конечно же, знал, что то, что происходит между нами сейчас, и есть самое интересное.

Мы смеялись, пили кофе, пикировались, упражнялись в остроумии. И обсуждали курорты. Но все это было не главным. Главным было то, что нам хорошо друг с другом. Мы ходили по городу и дышали весной. Мы чувствовали себя юными.

– Послушай, что, если я снова захочу тебя увидеть? – спросил Денис, глядя, как я поглядываю на часы. – Мне надо будет снова изобретать повод?

– Я думаю, что желание меня увидеть само по себе уже повод, – твердо сказала я. Про себя я давно все решила, что не могу отказаться от этих встреч, даже если бы мне сказали, что после этого начнется глобальное изменение климата на Земле.

– Тогда давай я заеду за тобой завтра. Погуляем еще, – предложил Денис.

Я согласилась. Ведь мы просто гуляли!

Когда я вернулась домой, Костя, как всегда, сидел около телевизора. Он с сомнением окинул меня взглядом. Я испугалась, что сейчас произойдет что-то непоправимое, потому что, если бы он спросил меня о чем-то, спросил напрямую, я бы выложила все, как есть. Но Костя посмотрел на меня, помолчал и отвернулся к своему лучшему другу – говорящему ящику с новостями. Забывшись под обжигающие струи воды и почувствовав себя в безопасности, я

откинулась на край ванны и закрыла глаза. Мне не показалось странным, что человек, с которым мы живем бок о бок уже четыре года, не появился перед моим мысленным взором даже на секунду. Потому что все мое внутреннее пространство, оказывается, уже занял Денис.

Глава 4

Индulьгенция

Думать обо всем, что происходит, это роскошь, доступная только тем, у кого имеется в наличии масса свободного времени. Тогда, конечно, можно, как в книгах Достоевского, сидеть и мучительно задаваться вопросом, «тварь ты дрожащая или право имеешь». Среднестатистическая современная женщина подумать о смысле жизни и о своем месте в истории может лишь около пяти минут в день – не больше. Утром, пока чистишь зубы положенные три минуты, успеваешь прикинуть, достаточно ли гармонично устроен мир вокруг тебя. Если при этом раздаются крики «освободи ванну, мне пора на работу!», сразу понимаешь, что до гармонии очень далеко. И вечером, когда в темноте скачешь от автобусной остановки до дома по неосвещенной тропинке – можно словить философскую истину о том, как, в сущности, скоротечна и эфемерна наша жизнь. Один удар по голове, и все. Тебя нет, а кто-то станет богаче ровно на две твои сережки и двадцать долларов, которые лежат в кошельке. Вот и все мысли о вечном. Потому что в остальное время нам любезно помогают занять голову текущими вопросами. Белка в колесе – очень яркий образ, который идеально подходит среднестатистической современной женщине. Утро, будильник, завтрак (который готовит она), потом метро, где толчея, гадкое дыхание пьющих (прямо с утра) граждан и сакраментальное «девушка, уступите место пенсионеру» из уст одутловатого мужика, который еще вполне мог бы разгружать вагоны. В метро я стараюсь уже сразу никуда не садиться, хотя дорога от «Молодежной» до «Университета» изматывает до бесчувствия. Далее идет сама, собственно говоря, работа (Аллочка – хорошо, НН – плохо, посетители – под вопросом). Маленький просвет в виде обеда (возможно, с Динкой, а в последний месяц все чаще с Денисом), и снова работа-метро-ужин-молчание-храп. И так каждый день, кроме субботы и воскресенья, которые раньше я очень любила за право спать до обеда, а теперь ненавидела из-за невозможности повидаться с Денисом.

Я никогда не задавалась вопросом, может ли быть на свете другая жизнь, потому что знала, что у меня есть цели (глобальные и неглобальные), часть из которых уже рядом, практически в кармане. И только с появлением Дениса я поняла, что далека от семейного счастья как никогда. Все оказалось просто. Просто, как три рубля. Я – молодая красивая женщина, которую недооценивает муж. Денис – красивый и влюбленный мужчина, с которым мне было лучше, чем с Костей. И эта видимая простота создавала такое количество сложностей и проблем, что голова шла кругом. Я цеплялась за Костю, с ужасом думая, что будет, если я вдруг его потеряю. Это было бы равносильно катастрофе, потере почки, смерти близкого родственника. Когда-то я дня не могла закончить, если не знала, думает ли обо мне Константин. Но даже под страхом этой самой катастрофы я бы не могла отказаться от встреч с Денисом. И опять же с ужасом думала о том неизбежном моменте, когда он захочет большего. С ужасом и с замиранием сердца.

– Да просто у тебя крыша поехала. Я тебя предупреждала, – журила меня Динка, потому что ей совсем не нравился лихорадочный огонь в моих глазах, воспаленные веки, усталость, в которой я настолько потерялась, что не находила сил даже на недолгие разговоры с ней. Мои уши, мой телефон и мое время принадлежали Денису. Так продолжалось уже месяц.

– Не буду спорить. Едет, – с готовностью подтвердила ее диагноз я. – И я не думаю, что этот процесс можно как-то излечить.

– А что, все на самом деле так плохо? – с беспокойством заглянула мне в глаза подруга. Я потупила взор. Собственно, все было не так и плохо. Я встречалась с Денисом примерно через день, он ждал меня после работы, и мы шли гулять, ходили по Москве, подставляя бледные лица июньскому солнышку, а иногда он затаскивал меня на столь милые моему сердцу

театральные спектакли, выставки и тусовки. Мы беседовали о премьерах, обсуждали хорошие режиссерские находки и плохую игру актеров, а потом Денис провожал меня до дома.

– Почему ты это делаешь? – спросила я его как-то. Дернул меня черт за язык.

– Делаю что? – не понял он.

– Ходишь везде со мной. Тратишь на меня так много времени.

– Потому что мне с тобой хорошо, – выдал он банальность. Можно подумать, я предполагала, что ему со мной плохо. Впрочем, мужчины редко способны изъясняться относительно своих чувств более ясно. Костя, например, мог по часу разглагольствовать о котировках каких-то акций, но на вопрос: «Что ты чувствуешь?» – отвечал: «Все путем». Каким путем?

– Хорошо? А мне хорошо в сауне. Это же не повод торчать в ней все свободное время, – подколола я Дениса.

– Да ты ехидна, – присвистнул он и щелкнул меня по носу.

– А ты не мог бы делать все то же самое с женой? – упиралась я. – А то такое ощущение, что мы два школьника, сбежавшие с уроков в кино.

– С женой? О чем ты? – совершенно искренне удивился Денис.

– Ну, гулять, смеяться... А что в этом такого? Вот я, например, только и мечтаю о том, чтобы проводить с мужем время так, как это делаем мы с тобой, – пояснила я.

Денис задумался:

– Я как-то не смотрел на это с такой стороны. Так ты мечтаешь о своем муже?

– Ага, – улыбнулась я.

– И что же мешает?

– Я ему неинтересна. Он думает, что я – прочитанная книга. Знаешь, как неприятно быть прочитанной книгой и все время стоять на полке?

– В том то и дело, что знаю, – притянул меня к себе Денис. – Мне кажется, что именно поэтому нас и свело.

– Сводит ногу, – фыркнула я.

– Ну, соединило.

– Пока нет, не соединило, – коварно улыбалась я.

Денис окончательно запутался.

– Я своей жене тоже совершенно неинтересен. Она очень меркантильная женщина. Ее больше интересует моя зарплата.

– Видишь ли, я не могу разделить твои страдания по этому поводу, – хмыкнула я. – Понимаешь, любую женщину интересует зарплата ее мужа. И я не исключение. Я, например, так мечтаю купить квартиру, что готова учитывать любую копейку. Если бы ты только знал, как я устала жить на съемных квартирах!

– Это да, – понимающе кивнул Денис. – Я на свою копил десять лет. Разменялся с родителями, доплатил. А потом шарахнул кризис. Вот я «порадовался»! Купил двушку за пятьдесят штук, а она через полгода упала до тридцати. Меня жена чуть не съела.

– За что? Ты же не потерял квартиру, а приобрел, – не поняла я.

– Ну и что. Она сказала: на эти деньги мы бы могли купить трешку.

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, – усмехнулась я.

Вообще, оказалось, что квартирный вопрос был близок нам обоим. Денис был, что называется, в материале. И был он еще пессимистом, поскольку ему довелось пережить кризис и даже кое-что на нем потерять. Тогда он остался без работы, я имею в виду нормальную, хорошо оплачиваемую работу в чистенькой коммерческой клинике. Во время повсеместной гибели взрослых самостоятельных единиц общества народонаселение категорически передумало платить за здоровье. И львиная доля бывших клиентов ломанулась в городские поликлиники.

– Два года я пахал в городской больнице, лечил глазные травмы за коробки конфет. Ты не представляешь, сколько коньяку мне тогда пришлось обналичить.

– Обналичить?

– Как иногда мне кажется, что это был такой круговорот коньяка в природе. Пациенты его покупали, я его возвращал в магазин. Только на доходы с коньяка и жил. Почти.

– А я через год после кризиса как раз вышла замуж. И теперь мы до сих пор копим, копим, копим. ... Во всем себе отказываем, отказываем, отказываем, – пожаловалась я. – А квартиры так и нет. Накопили тридцать штук, но теперь, кажется, все равно не хватает. Придется ждать, пока цены будут поменьше.

– Если честно, я думаю, что времена кризиса миновали. И вряд ли цены на квартиры снова так сильно упадут. Так что лучше вам с мужем сейчас прямо бегом купить хоть что-то. Хоть даже в Подмоскovie. А то потом может не хватить даже на это.

– Ты считаешь? – задумалась я. – А говорят, это зависит от сезона. Может, летом подешевеет?

– Да, конечно! Все сейчас, как и ты, стараются накопить, рассчитывая на кризис. Скоро таких будет просто море. У людей появятся деньги. С чего бы тогда квартирам дешеветь?

– Действительно, – согласилась я. – А почему в таком случае все надеются?

– Надежда умирает последней, – философски пожал плечами Денис и поцеловал меня в щеку. Очень невинно.

А я помчалась к Косте, чтобы донести до него эту важную информацию. Собственно, я не имела в виду ничего такого, что нам надо прямо сейчас все бросать и бежать или, наоборот, плевать и тратить эти накопленные деньги на что-то легкомысленное и приятное. Просто вдруг нашлась тема, о которой можно было поговорить. Мы так мало и так редко говорили друг с другом. Однако к тому, куда повернула наша беседа, я оказалась совершенно не готова.

– Ты думаешь, меня волнует квартира? – внезапно вывалил он, выслушав мою тираду про Денисов прогноз. – Тем более наша с тобой квартира.

– А что, уже не волнует? – обалдела я. – Они же могут еще больше подорожать. Может, нам надо что-то предпринять?

– Я не желаю ничего предпринимать. Пусть все, что угодно, дорожает. Хоть в десять раз!

– Не понимаю! – воскликнула я, глядя в перекошенное от каких-то неведомых мне эмоций лицо Константина.

– Ты где-то шляешься, у тебя горят глаза, ты избегаешь на меня смотреть, как нашкодивший щенок. Почему ты думаешь, что я идиот, которому можно так врать? – выдавил он наконец.

Я остолбенела:

– Неужели ты ревнуешь? Боже! Мир перевернулся?

– Я не ревную! – разозлился Константин. – Я не самодовольный ревнивый болван, который будет дергаться из-за каждого комплимента, сказанного его жене.

– Я вообще с трудом представляю, чтобы ты начал дергаться, – задумчиво процедила я.

– Но я не позволю делать из меня идиота. Не позволю беспардонно врать! Гулять, выставившись напоказ! Ты себя в зеркало-то видела?!

– А что со мной не так? – удивилась я.

– Ты просто в открытую крутишь любовь за моей спиной. Это видно невооруженным глазом!

– Это не так! – воскликнула я. – Мы просто общаемся!

– И ты это называешь «общаться»? Я слышал, как ты ворковала с ним полночи, запершись на кухне! Кто он такой? Откуда он вообще взялся на мою голову? – вскипал Константин.

– Никто не брался на твою голову. Между нами ничего не было, – сжала я губы. – Не с тобой же мне ворковать, в самом деле. Даже смешно.

– Ну конечно, ты считаешь, что я такой тюфяк, что стерплю все, что угодно. Так вот знай, этого не будет.

– Чего не будет? – не поняла я.

– Того, что ты будешь блядствовать напропалую, а я тебя дома ждать.

– Как ты смеешь, – охнула я. У меня появилось ощущение, что на меня пытаются вылить ведро с дерьмом. – Да между нами просто дружеские отношения. Да если хочешь знать, я общаюсь с ним, потому что с тобой общаться просто невозможно.

– Это еще почему? – возмутился супруг. – Я что, настолько плох, что ты не можешь со мной общаться?

– Да это ты живешь, слова мне не скажешь! – кричала я.

К сожалению, когда двое кричат, смысл их речей теряется, остается только сам крик. Если бы мы поговорили спокойно, возможно, слова были бы другими. Но мы кричали. Оба. И я, и он. Поэтому никакого понимания мы не нашли.

– Хватит кормить меня сказками! – отвернулся от меня муж. Его рука нервно теребила брелок ключей, а красивое лицо было перекошено яростью. Я испугалась.

– Клянусь, между нами не было даже слова сказано. Надо же мне хоть с кем-то общаться. Тебе до меня и дела нет...

– Как же вы, дамы, легко оправдываете свое пустоголовое поведение.

– Что? Да ты меня вообще слышишь? Я тебе не повод обобщать и анализировать! Ты хоть понимаешь, что мне с ним просто хорошо. А с тобой плохо! – заорала я. Меня трясло, как в ознобе.

– Плохо? А мне наплевать, с кем тебе хорошо, а с кем плохо. Мне надо, чтобы ты меня не позорила, – выдохнул Костя и вышел на кухню.

Я осталась стоять, как парализованная. Позорить?

– Позорить? И это все, что тебя волнует? Чтобы я вела себя прилично? А тебя не интересует, люблю ли я тебя? – давилась я слезами.

– Да какая у тебя может быть любовь? Поманили тебя пальчиком, ты и побежала, – презрительно выдавил из себя мой дорогой любимый принц, который когда-то обещал беречь меня и заботиться обо мне всю жизнь.

– Хватит, – еле-еле шепнула я.

– Да ради бога. В общем, имей в виду, что эти твои приходы домой в двенадцать ночи я не потерплю. Будь любезна возвращаться в пристойное время. И, пожалуйста, сотри с лица это влюбленное выражение, – лаконично и исчерпывающе выдал рекомендации он.

Я уткнулась в ладони. Это же надо!

– Это все, чего ты от меня хочешь?

– Это минимум. О максимуме я уже и не говорю. Я надеюсь, что ты не опустишься окончательно и не забудешь, что ты все-таки замужняя женщина.

– Знаешь, рядом с тобой у меня совершенно пропадает ощущение замужней женщины, – устало высказалась я. Потом развернулась, схватила сумку и побежала прочь, сама не зная куда. Не выбирая направления, не думая ни о чем, кроме того, что мужчина, с которым, как я думала, меня связывают семейные узы, хочет только, чтобы я вела себя прилично и не выпячивала чувства наружу. Чтобы соблюдала приличия и вовремя приходила домой. Неважно откуда.

– Алло, Динка? – судорожно набрала я номер на все случаи жизни.

– Абонент временно недоступен.

– Почему, почему, почему? – Я чувствовала, что еще немного, и у меня начнется истерика.

– Алло, Денис? – попытавшись скрыть слезы, спросила я. Я позвонила ему, потому что на всем свете было только два человека, с которыми я могла говорить о том, что чувствовала. И первый в списке оказался недоступен.

– Поля? Ты где? Почему у тебя такой голос?! – моментально вычислил меня Денис. Забавно, а Костик бы не заметил, даже если бы я рыдала у него под носом. Решил бы, что у меня аллергия.

– Скажи, ты можешь со мной поговорить? – не отвечая на вопрос, спросила я. Он замолчал, видимо, поняв, что произошло что-то... что-то произошло.

– Где ты? – посерьезнев, уточнил он. Через час мы сидели на Тверском бульваре и молчали, пиная ногами гальку. Я совершенно не представляла, что делать и говорить в такой ситуации. Единственное, что пришло мне в голову, что как ни крути, а надо поставить во всем этом точки над «і». Как настоящая представительница слабого пола, я выбрала нетипичный способ излить наболевшее.

– Я думаю, нам лучше не встречаться, – сказала я после долгой паузы. – Мой муж все это неправильно понимает.

– Я не знаю, что сказать, – растерялся Денис. – Что он понимает? Чего мы делаем предосудительного?

– Я поздно прихожу домой. Я сама не своя. Он строит неверные предположения.

– Мне очень жаль, но я-то чем виноват? Я не хотел бы тебя потерять. Со мной не было ничего такого вот уже много лет, – взъерошил волосы Денис.

Все-таки как он красив, уму непостижимо!

– Со мной тоже. И я не хочу тебя терять, но что делать? Я очень сильно страдаю из-за всего этого. – Я посмотрела на Дениса.

Он был смущен, подавлен. Я рассказала ему о неприличной сцене, устроенной мне мужем. Я ждала реакции. Конечно, я тоже не хотела, чтобы все кончилось вот так.

– Я думаю, что твой муж прав. Он все понял правильно, – кивнул самому себе, будто определившись в чем-то, Денис и поднял на меня свои синие глаза.

– Тогда нам тем более нельзя больше видеться, – продолжила я, а сама затрепетала. Интересно, как порой отличается то, что мы говорим, от того, что хотим сказать. Я говорила правильные слова, но чувствовала только огонь в сердце и желание прикоснуться к Денисовым рукам, губам. В его глазах была та томительная слабость, которая появляется только у мужчины, помешанного на женщине. Слабость, дающая женщине власть. Слабость, которой уже не было в Костиных глазах.

– Ну уж нет, – покачал он головой. И пристально посмотрел на меня, пытаясь угадать мои истинные мотивы. Действительно, их сложно было распознать. Ведь они сплелись из желания отомстить и просто желания быть женщиной, на которую смотрят ТАК.

– Что ты имеешь в виду? – сделала я вид, что не понимаю, о чем он.

– Ты знаешь.

– Нет.

– Да.

– Нет.

– Да. – Он прикоснулся к моей руке.

Я задрожала. Потому что вдруг поняла, что именно для этого я и позвала его сегодня. А вовсе не для того, чтобы сообщить, что мы не будем больше видеться. Да-да. Именно для того, чтобы он прикоснулся ко мне, а я прикоснулась к нему. И как только я могла обходиться без этого столько времени! Возможно, единственное, что меня держало, – это страх потерять мужа. А теперь, после всего того, что Костя мне наговорил, после того, как он фактически сказал, чтобы я делала что пожелаю, только потихоньку, аккуратненько, у меня отказали все тормоза.

– Почему все так? – ахнула я, пытаясь сохранить хоть немного трезвости.

– Как «так»? – тихо шептал Денис, целуя меня в шею.

– Почему любовь уходит? – всхлипнула я.

– Почему уходит? – еле слышно засмеялся Денис. – Приходит. По-моему, так.

– Это неправильно, – отозвалась я и замерла от восторга, когда мои глаза встречались с горящей синевой его глаз. – Получается, что он, мой муж, прав и все именно так, как он сказал.

– Он не прав уже потому, что сидит и разглагольствует там, в то время как ты сидишь здесь, со мной. Но в таком случае я рад, что он не прав, – сказал Денис и жестом собственника притянул меня к себе.

И, глядя в его красивые влюбленные глаза, я поняла, что у меня нет ни шанса. Он хочет меня, это да. Но и я хочу его до дрожи. Так, словно передо мной сидит мой последний шанс. Хочу именно потому, что с первым же его поцелуем разорвется весь этот замкнутый круг, по которому я, как белка в колесе, бегу уже много лет.

– Я тоже... тоже рада, – прошептала я. Денис улыбнулся и приблизил свои губы к моим.

Я не возражала. Возбуждение, такое, какого я не испытывала уже целую вечность, охватило меня, и мы поцеловались. У него были теплые мягкие губы. Я была удивлена тем, как странно ощущать на своих губах чьи-то еще губы. Оказывается, я вообще забыла, что такое поцелуй. Что это такое, когда мужчина смотрит на тебя, на твои губы, как на возжеланный приз. Мы с Костей не целовались уже много месяцев, лет. Зачем? Мы же и так спали вместе и были друг для друга абсолютно доступны. Брачные удовольствия напоминали деревенскую еду. Очень сытно. Никаких изысков. А ведь в поцелуях кроется столько чувств, что очень быстро я забыла обо всем и погрузилась в страсть, как пловец в темную гладь быстрой горной реки. Вода приняла меня в себя и понесла туда, где я не была и о чем не имела ни малейшего представления. И после этого я вдруг почувствовала, что снова живу.

– Как же хорошо, что я тебя встретил, – ласково поправляя выбившуюся прядку, сказал Денис, глядя на меня. Да, именно ради таких взглядов женщина и живет.

– Что же дальше? – спросила я.

– Дальше? А что бы ты хотела? – оторвался от меня на секунду Денис.

– Не знаю. Мне кажется, это прекрасно, сидеть на лавочке и целоваться, словно мы студенты. Давай вообще отсюда не уйдем? – улыбнулась я.

– Давай, – легко согласился он. – Правда, в августе ночи значительно холоднее, и это станет не так приятно, но если ты хочешь...

– Да ну тебя. – Я махнула на него рукой и встала.

Денис поднял сумку, которая упала на землю, и встал рядом со мной. Впереди был весь день, суббота. Угораздило же меня полезть к Косте с разговорами именно в субботу. Хотя, с другой стороны, а когда еще. В будни у моего умного и занятого супруга расписана каждая минута драгоценного времени. Зато теперь не надо ждать понедельника, чтобы услышать голос Дениса.

– Может, пойдем в кино? – предложил Денис.

На его лице также было написано раздумье. Куда нам деваться теперь, когда все признания сделаны и уже нет смысла ходить по улицам, целомудренно держась за руки. Мне внезапно стало интересно, как Денис объяснит нашу субботнюю прогулку супруге. Я не была ребенком и понимала, что мужчина, который столь яростно любит меня в этот солнечный день, женат. И что обстоятельства, которые свели нас вместе, вовсе не означают долгого безоблачного счастья на всю жизнь. И меня, как ни странно, это очень даже устраивало.

– Пойдем. Скажи, а что думает обо всем этом твоя жена?

– Она ничего не думает, – буркнул Денис.

– Лопотомия? – съехидничала я.

– Она уехала с подругами на пикник. У нее бурная жизнь, в которую она не считает нужным задействовать меня.

– Почему? – удивилась я. – Если бы у меня был такой красивый синеглазый муж, я бы повсюду таскала его с собой.

– Она так не считает, – угрюмо ответил Денис.

У меня возникло ощущение, что ему не хочется продолжать разговор о жене. Я же не настаивала. Интересное чувство охватило меня. Наверное, такое бывает только в зрелом возрасте, потому что, когда влюбляешься в двадцать, ты любишь всей своей натурой, всей душой, и кажется, что будущее имеет только один сияющий всеми красками счастья вариант. Но в тридцать лет где-то в глубине сохраняется кто-то равнодушный, трезвый. Этот кто-то наблюдает за твоими безумствами и ведет им счет, зная, что все когда-нибудь кончится и не имеет по большому счету такого уж значения.

– Знаешь, я все-таки не хочу в кино, – уверенно сказала я.

– Да? А чего ты хочешь?

– Тебя, – исчерпывающе продекламировала я одними губами.

Денис замер, потом медленно обвел меня обжигающим мужским взглядом «сверху вниз и обратно», уверенно взял за талию, и мы молча, как заговорщики, произнесшие пароль «славянский шкаф», пошли вниз по бульвару.

Глава 5

Маскарад

С тех пор как Советский Союз приказал долго жить, все граждане нашего поменявшего курс государства так или иначе стали думать о выгоде. А как же еще, ведь мы теперь капиталисты. Есть богачи-олигархи, которых никто в глаза не видел (кроме, конечно, Ходорковского, но его пример скорее печален). Есть гордые бедняки, составляющие абсолютное большинство населения, но об этом никто не говорит вслух, потому что вслух аналитики любят говорить о формирующемся среднем классе. Это хорошо для рейтинга. Аналитика никогда не пересекает границ Подмоскovie. Так она и сидит в стольном граде Москве и удивляется, что это народ все недоволен и недоволен? И парки у них, и магазины, и зарплаты. И казино, чтобы было где зарплаты оставить. Чего же им еще нужно? Но Москва, как ни крути, это государство в государстве. Как китайский Гонконг. Там у нормального китайца, привыкшего сидеть голым под бамбуковым навесом, есть с ладони рис и молиться Будде, сразу и безвозвратно срывает крышу. И уносит в даль порывами техногенного ветра. Примерно так же житель, скажем, моего родного города Петушки реагирует на МКАД. Клянусь вам, один друг детства рассказывал мне, что каждый месяц он преодолевает барьер в сто двадцать километров, чтобы попасть к нам, в ночную в Москву. Когда-то мы с ним вместе воровали клубнику у наивных, как детская слеза, дачников, а теперь мой дружок крадучись въезжает на наш МКАД и под покровом темноты выжимает из своей выдавшей виды девятки все, на что она способна.

– Ты не представляешь, какой это кайф! – взхлеб рассказывает он. – Пустая широкая трасса, освещенная, как елка на Новый год. И на ней я – Шумахер на «Формуле-1». Мотор ревет. Я молниеносно планирую с полосы на полосу. Обхожу одного, второго, третьего. Вот уже все остались далеко позади – я лечу один... Да я, можно сказать, ради этого и живу!

– А как на все это смотрит ГИБДД, – интересуюсь я. Потому что если вспомнить, с какой лихостью мой дружок в свое время перемахивал деревенские заборы, то не приходится сомневаться, что на дорогах Москвы он производит несомненный фурор.

– ГИБДД? – грустно переспрашивает он и рефлекторно хватается за кошелек. А в кошельке у него плачут мыши, потому что, как я уже сказала, за пределами этой самой МКАД начинается совсем другая Россия.

А уж если заехать в какую-нибудь другую область – Владимирскую или, к примеру, Брянскую, то понимаешь, что натуральный обмен, общинный строй и дома с земляным полом – отнюдь не только программа из учебников по истории Древней Руси. Во многих деревнях, например, вообще отсутствует такое понятие, как зарплата. А когда пенсионеры там получают пенсию, то долго всей деревней прикидывают, на что потратить неожиданно обрушившееся на них богатство. Так что с классом гордых бедняков у нас, в стране строящегося капитализма, все в порядке. Впрочем, нищих, потерявших гордость, здесь тоже хватает. Стоят, как почетный караул, на всех вокзалах, во всех переходах. Печальные обломки лучшей жизни, не сумевшие вычислить этой своей выгоды. Каждый из них несет за плечами Трагедию, которая столь банальна, что, если спросить, он уже и не вспомнит, что это была за Трагедия и с чего, собственно, все началось. Зато теперь для них все закончилось, так что сидят они с безмятежными лицами ангелов, а людской поток проходит сквозь них, никого не замечая. Но самые лучшие, самые удачливые у нас представлены в так называемом среднем классе. Говорят, что средний класс – опора общества, киты, на которых держится экономика.

– Это так и есть, потому что я, например, ежедневно делаю огромные вливания в экономику хотя бы путем покупки этих дорожных колготок, которые все равно рвутся, – с досадой говорила Дудикова, замазывая в очередной раз «поехавшую стрелку» лаком.

– Тебе надо надевать на ногти чехлы! – рассмеялась я.

– Может, мне и на морду нацепить железную маску?

– Зачем? – удивилась я.

– Буду человек в железной маске! Ему уж точно колготки не нужны. А вообще, средний класс – это еще и постоянный объект для кидалова, – продолжила мои теории подруга. – Олигархов УЖЕ не кинешь, а всех этих гордых бедняков ЕЩЕ не кинешь. Что с них взять? Мешок картошки?

– А мы – средний класс – все время ищем, где бы погреть руки, – кивнула я, допивая свой обеденный кофе.

Официанты давно привыкли к нашим расслабленным разговорам, при которых мы могли закрашивать лаком колготки, ногти, делать прическу на скорую руку перед свиданием или просто громко гоготать, привлекая возмущенные взгляды мирных кофеманов. Это было наше кафе, мы творили здесь что хотели.

Самое главное, на мой взгляд, достижение капитализма как раз и заключено вот в этом праве каждого попить ароматный кофе за бешеные деньги, болтая с подругой по телефону или просто читая какую-нибудь модную книжку той же Робски, поражаясь тому, что, оказывается, и на Рублевке люди живут. И у них есть проблемы. Только проблемы их куда круче наших простых мещанских «где бы перехватить денег» и «как бы выбить отпуск». Читаешь – а на душе легче, легче, легче... Впрочем, даже если я знаю, что деньги – зло и от них все беды, мне все равно хочется каким-нибудь образом их к себе приманить.

– А многим, между прочим, удается! – воскликнула Динка. – Мне тут рассказали, что сейчас такой у нас рост экономики, что можно просто правильно вложит деньги и стричь купоны! По пятьдесят процентов в год, каково?

– Мне кажется, что все это уже было, – с сомнением отреагировала я, потому что знала, как легко Динку заносит на поворотах. В моей памяти все еще хранились файлы про МММ, Властелину и ГКО, поэтому при слове пятьдесят процентов годовых меня как отрубало.

– Ты не понимаешь. Сейчас идеальный момент! Нефть растет, недвижимость растет, промышленность на подъеме! Почти никакого риска для инвестиционного портфеля.

– Для чего? – поперхнулась я кофе. Все-таки не так часто я слышала слова «инвестиционный портфель» из уст моей подруги. Хотя что странного, она все-таки бухгалтер.

– Для того, – щелкнула меня по носу она. – Ты, как всегда, все проспичь, и, пока другие будут квартиры покупать, так и останешься сидеть на своей съемной.

– Я бы попросила ниже пояса не бить! Мне и так тяжело, – обиделась я. – А между прочим, жадность наказуема.

– Ага. Для тех, кто не умеет все рассчитать.

– Вот и мой НН думал, что умеет все рассчитать, – закинула я удочку. Единственный способ отвлечь Динку – это чем-то ее увлечь.

Динка встрепенулась:

– А что такое?

– А то, что недавно он рассчитал, что доставлять путевки на дом отдыхающим через крупную курьерскую службу – это дорого и невыгодно.

– И? – заинтересовалась Динка, потому что истории про НН уже много раз развлекали всех, кто имел счастье их услышать.

– И вот однажды в целях строжайшей экономии НН решил нанять курьера на оклад.

– Да что ты! – причмокнула Динка. – И на большой оклад?

– Смотря в чем. Если в рублях, то не очень. Но если взять в юанях, то неплохо. Там у людей тридцать долларов в месяц считается зарплатой топ-менеджера.

– В общем, не поспешил, как всегда, – подытожила подруга.

– Ага. Сначала он, правда, честно пытался заставить менеджеров самих развозить проданные путевки, но мы пригрозили, что организуем профсоюз. Тогда он привел откуда-то патлатого студента...

– Красивого? – облизнулась Динка.

– Чистый Тарзан, – усмехнулась я. – Только волосики жидкие и серого цвета. Он их моет, наверное, раз в месяц, случайно. Сам тонкий, в нелепых армейских ботинках. И кожаная куртка с кучей «молний». В общем, самое для тебя оно.

– Фу, – сморщилась Динка. – И как только вам не противно.

– А нам и не противно, потому что он уже уволен.

– Да?

– Да. Он с неделю поездил с турами счастья, развозил Египет и Турцию. Сама понимаешь, что, мотаясь с «Университета», например, на «Пражскую», с «Пражской» в Строгино, а оттуда опять к нам, парень несколько притомился.

– Еще бы! Я бы посмотрела на тебя, – кивнула Динка.

– На меня можешь не смотреть, я бы на своих каблуках не доехала даже до «Пражской».

– И нечего там делать, – согласилась подруга.

– А потом как-то мы продали групповой тур в Доминиканскую Республику. Там группа состояла из семи человек. Стоимость, как ты понимаешь, не маленькая. Даже с учетом сделанной ранее предоплаты, студенту предстояло получить тысячи три баксов.

– Украл? – ахнула Динка.

– Что ты, если бы, – вздохнула я. – Все же надо было отдать должное студенту, он оказался умным малым и приехал в офис с радостной новостью, что его обокрали.

– Его?

– Ага. И даже продемонстрировал какую-то косую ссадину на кулаке и порванную сумку. В общем, бил себя пяткой в грудь и требовал вызова милиции.

– Вызвали? – поинтересовалась Динка. – Не думаю, чтобы этот пресловутый твой НН любит милицию.

– Вызвали, как же. НН орал целый час, грозил всеми карами небесными, вплоть до Страшного суда, а также бандитами и прочей лесной нечистью. Парень стоял, как перед последней битвой. Он, видать, прикинул, сколько времени у него уйдет, чтобы заработать эти три штуки, потев в качестве курьера.

– Выходило примерно к пенсии? – хохотнула Дина.

– Примерно, – согласилась я. – Так что теперь НН снова сотрудничает с крупной курьерской службой и грозит, что все равно выведет поганца на чистую воду.

– И к чему ты расстаралась и все это мне вывалила? – нахмурилась Динка.

– К тому, – выразительно вытаращила я глаза. – Все эти твои инвестиционные портфели – та же попытка нанять в курьеры студента. Кто бы это захотел дать тебе просто так, за красивые глаза, кучу денег?

– Не просто так, – обиделась Динка. – А это называется инвестиции.

– И что? Ты лично купишь хоть одну акцию? – пристрастно спрашивала я.

– Я лично не куплю, но это за меня сделают более опытные профессионалы, – отбивалась от меня подруга.

– Ага. Ты прямо говоришь, как рекламный ролик! – поймала я ее на слове.

– Так! Отстань. Лучше расскажи, что у тебя происходит с Денисом, – спросила Динка, зная, что этот вопрос вышибет меня из седла и тут же переключит с неприятного ей вопроса на другой канал вещания. Действительно, сказать, что у меня происходит с Денисом, было довольно непросто. Хотя ничего сложного не было.

«Я тебя люблю», – сказал он мне, а я ему ответила взаимностью. Эка невидаль. Дальше был собственно адюльтер, который должен был меня сильно осчастливить и скрасить мое томи-

тельное внутрибрачное существование. Синие глаза, мужественные руки, разговоры при луне. С момента памятной прогулки по Тверскому бульвару прошло около полугода, в течение которых сначала я сама пыталась себя уговорить, что действительно люблю Дениса, а Константина больше не люблю, а потом ко мне присоединилась Динка. Ей очень нравился Денис и его отношение ко мне. Однако со мной происходило что-то странное. Я никак не могла принять стандартную схему, в которой один участник (видимо, Константин) – стопроцентный негодяй, корень всех зол и причина всех моих негодяйских поступков. Второй (Денис) – порядочный человек, спасший меня от рук негодяя (Константина). А я соответственно принцесса, несправедливо обиженная жизнью. Но что-то не заклеилось с самого начала, хотя с виду все было именно так, как описано в предложенной выше схеме. После прогулки по бульвару Денис повел меня в приятно меблированный гостиничный номер, в который мы вошли пунцовыми от красноречивых взглядов администраторши. Далее были и цветы, и красное вино, и свечи, и страстные поцелуи, и слова любви и нежности. Денис был словно картинка из глянцевого журнала. Мужчина с внешностью Алека Болдуина, психологией женщины и языком писателя.

– Тебе хорошо? – волновался он.

Надо отдать должное, в той ситуации мне действительно было хорошо. И даже очень. Все эти волнующие моменты, первые прикосновения, узнать, что будет дальше. И гормоны, которые, как это ни прискорбно, полностью отбили у меня то, что именуется «здравым рассудком». Да, с Денисом мне было хорошо. Но самое интересное началось вечером, когда мы с ним, словно два заговорщика, расстались за несколько кварталов от моего дома.

– Это ты? – крикнул из комнаты Костя будничным тоном, когда я осторожно повернула ключ в замке. Можно подумать, нашу дверь мог открыть кто-то другой.

– Да, – таким же будничным тоном крикнула я в ответ, в то время как в голове юлой крутилась мысль, изводившая меня всю дорогу: поймет он или не поймет? Догадается? А если догадается, что сделает?

– Прости, пожалуйста, малыш. – Костя вышел из комнаты и встал, оперевшись на дверной косяк.

Он был расстроен, взволнован, нерешительно и даже местами виновато смотрел на меня. Такого выражения лица я не видела у него очень давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.